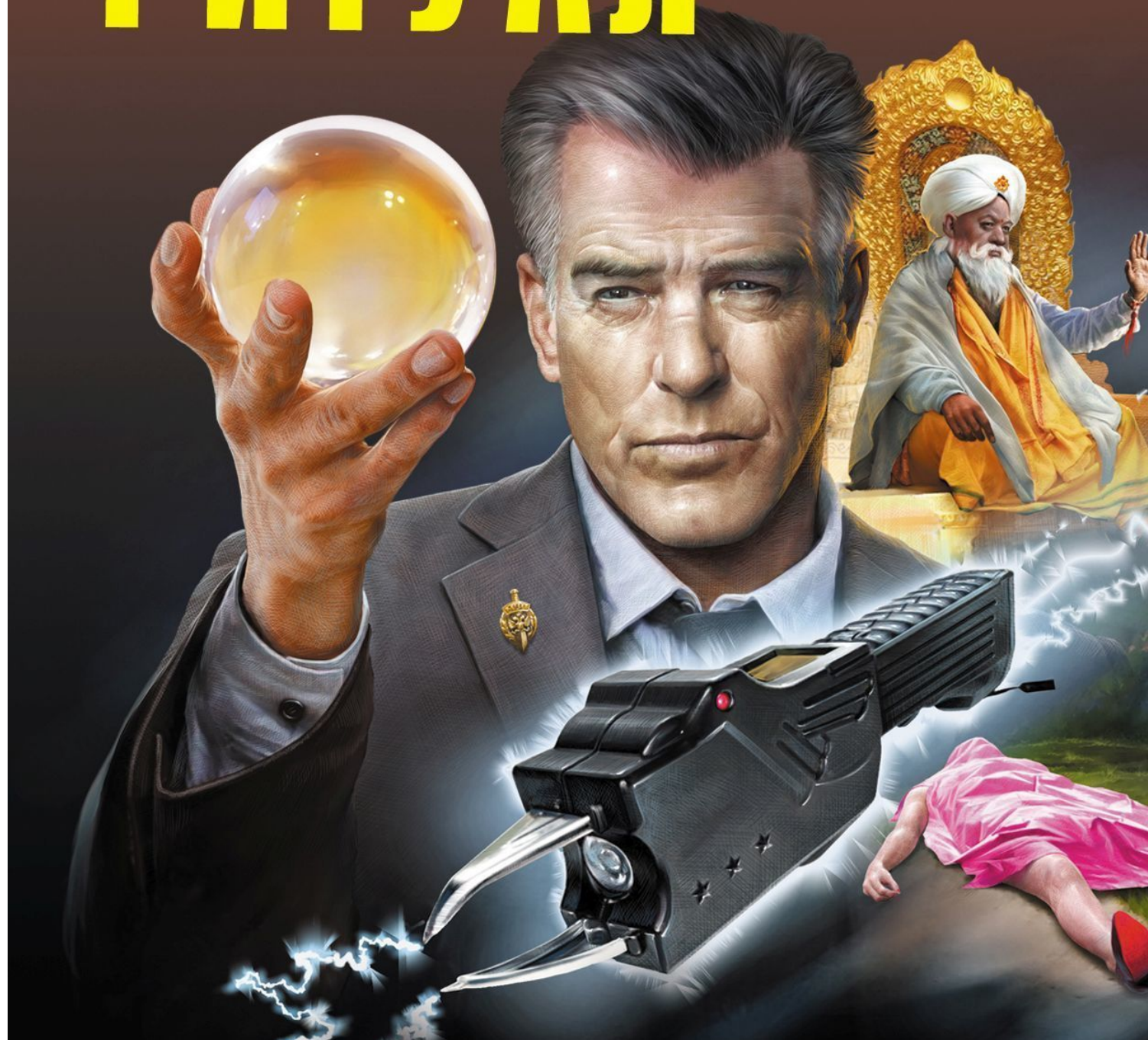

НИКОЛАЙ
ЛЕОНОВ

Алексей МАКЕЕВ

ПОЛНОЧНЫЙ РИТУАЛ

Черная кошка

Николай Леонов

Полночный ритуал

«ЭКСМО»

2020

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Леонов Н. И.

Полночный ритуал / Н. И. Леонов — «Эксмо», 2020 — (Черная кошка)

ISBN 978-5-04-107563-7

Новый роман о выдающемся сыщике Льве Гурове – герое старейшей детективной серии. За 25 лет вышло около 200 томов тиражом десятки миллионов экземпляров. В загородном парке убита дочь депутата Кипрасова – студентка Лилия. Девушку обездвигили электрошокером, а потом забили в висок огромный гвоздь. Следователь Лев Гуров выдвигает первые версии: профессиональная деятельность отца погибшей, в прошлом – боевого офицера, воевавшего на Кавказе; натянутые отношения Лилии с мачехой... Заинтересовали полковника и два «мажора», поклонники убитой, заключившие на девушку серьезное пари. Сыщик составляет психологический портрет убийцы и понимает, что преступника надо искать в среде неформалов. Например, в рядах тайной организации, действующей в вузе, где училась Лилия. Не случайно членство в ней скрепляется кровью...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-107563-7

© Леонов Н. И., 2020
© Эксмо, 2020

Содержание

Полночный ритуал	6
Глава 1	6
Глава 2	19
Глава 3	24
Глава 4	34
Глава 5	45
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Николай Леонов, Алексей Макеев

Полночный ритуал

© Макеев А. В., 2020

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

Полночный ритуал

Глава 1

Начальник федерального главка угрозыска генерал-лейтенант Петр Орлов, сияя жизнерадостной улыбкой, воодушевленно трактовал, энергично потрясая крепко сжатым кулаком:

– ...Ну, вы, мужики, молодцы! Ей-богу, молодцы! Такую группировку взяли с поличным – всяким там ФБРа и Скотленд-Ярдом и не снилось. В министерстве об этом только и разговоров. Даже наш «лучший друг» на ходу в коридоре поздравил, хотя и сквозь зубы... Буду ходатайствовать о вашем награждении. Ну, а сам... Премирую вас в размере двух должностных окладов и даю по три дня выходных!

Слушая его, «виновники торжества» – опера главка Лев Гуров и Станислав Крячко, оба в чине полковника, коротко переглянулись: по два оклада – это неплохо, особенно на фоне предстоящих выходных! Впрочем, сделанное ими того стоило. Они и в самом деле за минувшие дни сумели перелопатить огромный объем работы, выявив глубоко законспирированную банду автоугонщиков, которая специализировалась на дорогах иномарках. Именно Гуров и Крячко, проанализировав статистику автоугонов последних нескольких лет в столице и столичном регионе, пришли к неожиданному для очень многих выводу: пропажи элитных авто – никак не деятельность воров-одиночек. При всей хаотичности краж, в их «рисунке» можно было выявить ряд характерных черт и закономерностей, свидетельствующих о том, что за всем этим стоит отменно организованная группировка. И они сумели не только выяснить структуру и численный состав банды, но и установить главаря, которым оказался... начальник одного из подразделений ГИБДД в звании подполковника. Когда Гуров лично, в присутствии группы бойцов Росгвардии, защелкнул на его запястьях браслеты наручников, тот, охнув, повалился на пол, хватаясь за сердце. У оборотня в погонах от столь неожиданного краха своей полицейско-бандитской карьеры приключился тяжелейший инфаркт миокарда...

Слушая своего начальника (и одновременно закадычного друга-приятеля), Стас Крячко вполголоса обронил:

– Сегодня же на рыбалку! На Мраморные озера!

Орлов, до слуха которого донеслась эта реплика, лишь снисходительно улыбнулся. Он хорошо знал об этой «маленькой слабости» своих приятелей-подчиненных. Да и сам был бы не прочь поехать с ними на Мраморные озера, если бы не уймища всевозможных управленческих дел.

– Да-а-а, мужики! На озера – это мечта-а-а... – с легким оттенком зависти протянул генерал.

В этот момент зазвонил один из его служебных телефонов.

– Что там еще за дела? – недовольно нахмурившись, поднял трубку Орлов.

Приятеля, услышав звонок, снова переглянулись: он являл собой какой-то недобрый знак! Не хотелось бы об этом даже думать, но, очень даже возможно, теперь их выходные накрываются медным тазом... Лев и Станислав наблюдали за тем, как меняется выражение лица Орлова, и все больше укреплялись во мнении, что дело пахнет керосином. А генерал, судя по всему, и в самом деле был ошарашен каким-то неожиданным, скорее всего, шокирующим известием. Место оптимистичной улыбки заняла мина сочувственной озабоченности и даже молчаливого возмущения. Звонивший ему, судя по его лихорадочной скороговорке, чем-то был крайне взволнован и пребывал в сильной горести. Вслушиваясь в едва различимый, не громче комариного писка, голос собеседника Орлова, приятели поняли окончательно: триндец всем их планам и ожиданиям...

Закончив разговор и положив трубку, Орлов устало вздохнул и некоторое время хранил молчание. Потом виновато развел руками и заговорил, искоса глядя в окно:

– Мужики, тут такой форс-мажор случился... Премия, как и обещал, – будет. А вот выходные... С этим придется погодить. Дело тут... Блин! Наихреновейшее!..

По его словам, звонил ему и просил помощи известный столичный предприниматель, он же депутат Госдумы Виталий Кипрасов. В его семье случилось большое горе – ночью кем-то была зверски убита его дочь-студентка Лилия. Как рассказал звонивший, его дочь была очень скромной и душевной, настоящим домашним ребенком. В отличие от многих других представителей так называемой золотой молодежи, Лилия была чужда любым проявлениям мажорщины – избегала «великосветских» тусовок, где принято козырять своей «крутизной», не гоняла на авто по столичным улицам, не устраивала скандалов в ночных клубах и ресторанах.

Но случилось так, что вчера вечером одна из подруг уговорила Лилию поехать с ней на показ новой коллекции модной одежды итальянского кутюрье Бруталлино. Вернуться она должна была к одиннадцати вечера. Однако не вернулась. Всю ночь ее отец обзванивал знакомых, морги, даже отделы полиции – а вдруг она по каким-то неведомым причинам оказалась в одном из них? Поднял даже частные сыскные агентства. А утром Кипрасову сообщили, что его дочь найдена убитой в парке «Северцово». Ее тело даже уже начало коченеть. Это говорило о том, что смерть наступила около полуночи. Признаков сексуального насилия обнаружено не было, ценности (золотой перстень, цепочка с кулоном, браслет, телефон) оказались нетронутыми. Но вот убита девушка была не совсем обычным, можно даже сказать, зверским способом – ей в висок кто-то вогнал на всю глубину длиннющий строительный гвоздь. Опера местного райотдела, выехавшие для обследования места преступления, предположили, что перед убийством девушку оглушили мощным электрошокером.

– ...Это настолько непонятное убийство, что опера Коневского ОВД просто руками развели. Никто не может понять мотивов, причин, обстоятельств... Как сказал старший опергруппы, это – стопроцентный «глухарь». Поэтому-то Кипрасов мне и позвонил, чтобы расследованием занялись лучшие опера главка. Ну а кто тут у нас лучшие опера? То-то же... Ну что, мужики? Что скажете?

– Это называется, на ровном месте – да мордой об асфальт... – громко вздохнул Гуров. – Ну что тут можно сказать? С учетом ряда обстоятельств в принципе я бы взялся. Куда ж тут денешься? Ты-то что думаешь? – испытующе взглянул он на Крячко.

– Ну, ешкин кот, хоть бы денек взять для передышки! – с досадой пожал плечами Стас. – Вчера ж только кончили мотаться, как гончие...

– К сожалению, выбор у нас очень ограниченный... – грустно усмехнувшись, констатировал Лев. – Если братья, то немедленно. Если же не братья прямо сейчас, то лучше не братья совсем. Но если возьмемся, чую, запарка будет запредельная. Что-то мне подсказывает: более безмотивного убийства у нас давно уже не было.

– А почему именно безмотивного? – прищурился Орлов.

– Ну, скажем так, не совсем безмотивного, но, согласись, здесь и в самом деле явного мотива нет. Лиха с ним хлебом немало.

Гуров словно заранее видел тот немалый объем работы, которую им со Стасом предстояло выполнить, чтобы наконец-то материализовать того (или тех), кто отнял жизнь у девушки. Почесав затылок, Крячко безнадежно махнул рукой:

– Ладно, Лева, беремся. Но, Петро, имей в виду, пролетим снова с выходными. Даже если вдруг нам понадобится ехать расследовать покушение на какого-нибудь там короля Хренландии, я не соглашусь ни за какие коврижки. Усек?

– Хорошо, хорошо, – энергично закивал Орлов, – в Хренландию вас – уж точно! – посылать не стану! Ну, давайте, как говорится, с богом... Вперед, мужики, за дело!

Войдя в кабинет, приятели пару минут сидели за своими столами молча, как будто собираясь с силами перед тем, как взяться за навязанного им «глухаря». Лев первым нарушил молчание, набрав на городском телефоне номер Коневского ОВД. Он попросил старшего опергруппы, назвавшегося капитаном Маратовым, сбросить по электронной почте все первичные документы по убийству Лилии Кипрасовой. Слушая его, Крячко уточняюще спросил:

– Сейчас едем в тот парк, где нашли убитую?

– Да, понятное дело... – задумчиво проговорил Гуров. – Заодно попрошу прислать туда кинолога с собакой.

– Опять закажешь Азарта?

– Если он нигде не задействован, то, конечно, его. Ну а что? Работает по следу отлично, кинолог... Толик, по-моему? Парень дельный, толковый...

– Это верно... – кивнул Станислав, о чем-то напряженно думая. – Мы с ними, если память не изменяет, уже раза три работали... Кстати, надо думать, ты уже сейчас прикинул, как и в каком направлении будем двигаться?

– Да, в принципе кое-какие соображения есть, – озабоченно нахмурился Лев, – но только самые общие. Во-первых, я по большей части уже уверен в том, что это не какая-то там банальная «мокруха». Это заранее спланированное убийство. Правда, пока непонятно – оно или ритуального характера, или уголовщина, но замешанная на чем-то наподобие карточной игры. Помнишь дело еще середины нулевых, когда банда Мутанта развлекалась тем, что они играли в карты на деньги, а расплатой за проигрыш становилась жизнь случайных прохожих?

– А-а, этих? Помню... – Крячко вздохнул и стиснул пальцы рук. – Они, кажется, человек пятнадцать, скоты, успели убить? Но тут есть одно «но»! Мутантовские вначале свою жертву грабили. Здесь же ничего не было взято.

– Вот это-то и вызывает вопросы... Да, тогда было убито полтора десятка человек менее чем за полгода... Но нам здорово повезло, когда мы опознали и взяли за шкуру Чушка, если помнишь, правую руку Мутанта... По совести, вся эта шайка заслуживала «вышки» или хотя бы пожизненного. Но пожизненно сели только трое. А вот остальные получили от десяти до пятнадцати. Вот такая она бывает, «справедливость»...

– Ну, главное-то, в чем нас убеждают, – неотвратимость наказания! – саркастично проворчал Станислав. – Наверняка почти все, кто со сроками, уже на свободе....

Задержание банды Мутанта (по паспорту – Геннадия Муталова) стало возможным после упорной и напряженной работы, проведенной Гуровым и Крячко в достаточно короткие сроки. Вопреки мнениям своих оппонентов, которые были уверены в том, что убийства – это или цепочка совпадений, или деятельность новой, пока еще никому не известной изуверской секты, приятели разработали для некоторых своих коллег довольно неожиданную версию. Они сумели выявить в длинной череде непонятных убийств случайных прохожих некую общую закономерность, что и позволило сделать вывод: все это – дело рук криминальных отмороzków, ищущих острых ощущений. Лишь Гуров и Крячко обратили внимание на то обстоятельство, что убийства совершались по средам и воскресеньям – на третий и седьмой день недели, а также каждого четырнадцатого числа (тройка, семерка, туз).

Как позже стало известно, помимо всего прочего, банда Мутанта стремилась вызвать панику среди населения, чтобы люди даже днем боялись выйти на улицу. Подонки упивались своим всемогуществом и чьим-то страхом. В ходе расследования также было установлено, что, помимо негодяя, которому по причине его проигрыша в карты предстояло кого-то убить, в этом участвовал еще и, так сказать, «видеооператор» – член банды, снимавший происходящее видеокамерой. Потом эта запись прокручивалась в бандитском притоне, каковым был один из подвалов с «качалками», что служило подтверждением погашения карточного долга. Впрочем,

именно благодаря этой видеотеке потом удалось доказать почти все совершенные мерзавцами убийства.

Спустя час опера в сопровождении своих местных коллег прибыли в достаточно глухую часть парка «Северцово». Как явствовало из свидетельских показаний, девушку нашли метрах в пятнадцати от центральной аллеи среди деревьев, на просторной травянистой лужайке. Она лежала навзничь, и со стороны могло бы показаться, что просто мирно спала, если бы не страшный железный штырь, пронзивший ее голову насквозь, от виска до виска. Гуров и Крячко, уже успевшие ознакомиться с фото и видео места происшествия, с актами и протоколами, первые несколько минут молча осматривали поляну. Затем, задавая лаконичные вопросы по тем или иным деталям, замеченным местной опергруппой, быстро составили возможную картину случившегося.

Как явствовало из едва заметных следов на траве и земле, девушка пришла сюда сама, без принуждения, в сопровождении некоего мужчины. Впрочем, там, где был край дорожки и начиналась лужайка, Гуров заметил следы еще чьей-то обуви, причем мужской, но они могли принадлежать и каким-то другим посетителям парка. Почему в поздний час девушка оказалась здесь – еще предстояло выяснить, но, скорее всего, она никак не ожидала того, что здесь с ней могло случиться. Вероятнее всего, нападение убийцы было внезапным. Опера согласилась с мнением местных коллег, что жертва перед смертью, вероятнее всего, была оглушена электрошокером – не было никаких следов борьбы, никаких признаков сопротивления жертвы. Оглушив девушку, убийца вогнал ей в голову заранее заготовленный гвоздь, после чего немедленно скрылся.

Прибывший в парк уже знакомый операм кинолог Анатолий со своим Азартом немедленно приступил к делу. Пес деловито обнюхал место убийства и почти сразу же, подскуливая, отпрянул назад, замотав головой. Кинолог, быстро отведя в сторону своего помощника, сердито сообщил:

– Лев Иванович, похоже, место происшествия кто-то обработал спецпрепаратом, вызывающим раздражение обоняния собак. Вот зараза!

– Полчаса хватит на то, чтобы Азарт восстановился и смог работать дальше? – взглянув на часы, спросил Гуров.

– Я думаю, минут десять будет достаточно... – ответил Анатолий и ободряюще потрепал пса по холке.

Гуров и Крячко продолжили осмотр поляны, время от времени вполголоса обмениваясь своими выводами. Указав взглядом на то место, где была обнаружена убитая, Лев отметил:

– Вот здесь она и лежала, причем головой точно на запад. Возможно, это не случайно.

– Все-таки предполагаешь, что в убийстве могли быть замешаны какие-нибудь дьяволисты-сатанисты? – выжидающе прищурился Стас.

– Допускаю. Но в реальности это может быть не более чем маскировка под этих самых сектантов. Сегодня эта тема на слуху, поэтому кто-то вполне мог банальную уголовщину «подмастывать» под сектантские ритуалы.

Через какое-то время кинолог Анатолий снова повел своего четвероногого помощника по поляне. Они шли по спирали, охватывая поиском все большую и большую территорию. Неожиданно пес остановился и, что-то обнюхав в траве, издал сдержанное «Гав!». Упреждающе подняв руку, чтобы все оставались на своих местах, Гуров подошел к нему и, нагнувшись, что-то осторожно поднял.

– Лев Иванович, какая-то улика? – поинтересовался капитан Маратов.

– Чья-то зажигалка, выброшенная совсем недавно... – осторожно держа находку кончиками пальцев, сообщил Лев, после чего положил ее в пластиковый пакетик. – Улика ли это – еще надо разобраться. Судя по тому, как убийца заметал следы, просто так выкинуть зажигалку он вряд ли мог...

Анатолий продолжил свои поиски и, подойдя к тому месту, где имелся пусть и едва заметный, но для острого собачьего нюха вполне различимый отпечаток подошвы мужской обуви, примерно сорок третьего размера, коротко скомандовал:

– След!

Обнюхав след туфли, пес побежал в сторону аллеи, но вдруг резко повернул вправо и повел к решетчатому ограждению парка, в котором обнаружился уже довольно давно проделанный кем-то лаз. Дыра в ограждении оказалась весьма существенной, поэтому предполагаемый убийца выбрался из парка без особых затруднений. Впрочем, Гурову удалось найти след подошвы на бетонном фундаменте ограждения, по которому он впопыхах чиркнул туфлей, и пару едва заметных глазу коротеньких волокон ткани. Возможно, подозреваемый в спешке задел плечом по грубоватому пруту решетки. И здесь, наткнувшись на едко пахнущее средство, Азарт вновь был вынужден прервать свой поиск.

Подойдя к Гурову, Крячко мотнул головой в сторону лаза:

– Он смылся через эту дыру? И здесь, скотина, опять применил средство против собак?

– Да, похоже, это ставит крест на работе Азарта. – Лев вполголоса выругался. – Бедолага и так уже нанюхался химической дряни на сутки вперед. К тому же, обрати внимание, за ограждением, параллельно ему, тянется тротуар, опоясывающий парк. А по тротуару, как видишь, людей ходит предостаточно...

Он указал на двух пожилых женщин, которые прошествовали мимо, скорее всего, даже не подозревая, какие ужасные события развернулись минувшей ночью на просторах этого милого, уютного столичного уголка живой природы.

Склонившись над зеленым травяным ковром, он еще раз медленно прошел от ограждения к месту убийства, вглядываясь в еле приметные следы ног, оставленные, судя по всему, преступником.

– Ну, и что там? – поинтересовался Стас.

– Судя по следам, ростом убийца немного выше среднего – до ста семидесяти семи, весит максимум семьдесят три кило, левая нога немного косолапит – видимо, это следствие травмы тазобедренного сустава.

– О! Это уже что-то существенное! – горячо одобрил Крячко.

Вернувшись в главк, опера первым делом загрузили информотдел работой по самой завязку. Прежде всего им требовался максимум информации по отцу убитой. Помимо биографии, их интересовали особенности бизнеса депутата и его законотворческая деятельность. Гуров не исключал тот факт, что дочь Кипрасова могли убить из мести или чтобы таким образом оказать на него давление в ходе того или иного голосования по законопроектам.

Крячко, отчасти соглашаясь с ним, все же считал, что в столице появился новый маньяк, который еще только открывает свой кровавый счет загубленных жизней. В подтверждение своей версии он не поленился залезть в интернет и нашел-таки два так и не раскрытых с прошлого года убийства девушек при схожих обстоятельствах (парк, ночь, поляна). Правда, те девушки были жестоко изнасилованы и ограблены, к тому же мерзавец (или мерзавцы) задушил их. Однако Стас все равно был уверен: это дело рук одного и того же человека. Вернее, одного и того же нелюдя.

Загрузили работой и лабораторию – на исследование была передана зажигалка, соскоб с бетона следа подошвы, а также волокна ткани от чьей-то одежды, хотя не могло быть никакой уверенности в том, что все эти «артефакты» (как поименовал улики Крячко) не принадлежали совершенно посторонним людям, выбиравшимся из парка через этот проем в ограждении гораздо раньше происшедшего там убийства...

Когда с этими вопросами было покончено, опера распределили направления поиска. Опрос родных и близких убитой взял на себя Станислав. Общением с однокашниками Лилии решил заняться Гуров. Но вначале нужно было ознакомиться с запрошенной ими информа-

цией, очень оперативно присланной информационщиками. Открыв файл с биографией Кипрасова, сыщики узнали, что родом он из Калужской области, происходит из семьи потомственных интеллигентов. Его отец, заведовавший участковой поликлиникой, был медиком во втором поколении. Мать работала учительницей в сельской школе, пойдя по стопам своих матери и бабушки. А вот Виталий решил стать военным. Он окончил военное училище и стал командиром подразделения мотострелков. В эту пору рухнул Союз, началась война на Кавказе. Кипрасов участвовал в обеих чеченских войнах. Во время второй кампании был серьезно ранен, после чего уволился в запас.

– Лева, он воевал в Чечне. Не эхо ли это той войны? – восторженно спросил Стас.

– Да, в какой-то мере это тоже может быть... – согласился Гуров. – Проверим!

На гражданке Виталий подался в частный бизнес. Для начала он организовал ЧОП «Зоркий барс», куда вошло изрядное число его бывших подчиненных. ЧОП быстро разросся и стал крупной фирмой по оказанию охранных услуг. Его услугами, как очень качественными и надежными, пользовались не только частные лица, но и крупные госструктуры. Затем Кипрасов создал крупный холдинг, в который кроме охранной фирмы входили сеть оптовой торговли и одна столичная газета. В конце нулевых он решил попробовать себя в политике и стал депутатом Госдумы. Его позиции были прогосударственными, с уклоном в старорусский традиционализм монархической направленности. Несколько лет назад Кипрасова приняли в дворянское сословие как отдаленного отпрыска графского рода Меркетовых-Замирских. В своей законодательной деятельности он весьма жестко отстаивал интересы российских фермеров, в которых видел прямых наследников старорусских однодворцев (крестьянствующих дворян). В контексте этого Кипрасов не раз конфликтовал с лобби латифундистских агрофирм, теснящих единоличников. Даже бывшие колхозы, несмотря на всю их, так сказать, «коммунистичность», он считал выразителями истинно русской общинности и выступал за всестороннюю поддержку ныне существующих сельхозкооперативов. Дойдя до этого места, Гуров сразу же отметил:

– Вот – типичный конфликт интересов, причем с очень серьезным противником. А агрофирмы-латифундисты, я так думаю, не члены общества добрых Дедов Морозов. Некоторые из них, особенно связанные с криминалом, вполне могли явить серьезное недовольство его позицией и, скажем так, соответственно отреагировать. С этим надо будет хорошенько разобратся...

– Лева, а не зарыта ли собака в работе его охранной фирмы? – задумчиво спросил Стас. – Ведь охрана людей и объектов – дело, согласись, щекотливое. На кого-то или на что-то могут напасть, а охрана при этом обязана действовать достаточно жестко. Например, применяя оружие. И кто-то при этом мог погибнуть... Как считаешь?

– Интересный ход мысли, – согласился Гуров, утвердительно кивнув головой. – Да, надо будет изучить хронику последних событий на охраняемых объектах «Зоркого барса». Но давай посмотрим, что еще в этом досье.

Впрочем, чего-то из ряда вон выходящего там не обнаружилось. Излагалась информация о семье Кипрасова – состав, род занятий ее членов, хобби и увлечения главы семейства. Среди главных увлечений Виталия значилась охота, на втором месте были бильярд, верховая езда и шахматы. По некоторым непроверенным сведениям, одно время Кипрасов проходил обучение русскому кулачному бою у кое-где еще имеющих мастеров этого давнишнего вида единоборства. По слухам, свои знания и умения по этой части хозяин «Зоркого барса» передал ведущим сотрудникам своей охранной фирмы. Первой женой Виталия была Ангелина Веселецкина, балерина Большого театра. У них родилась дочь, которую они назвали Лилией, по названию любимого цветка Ангелины. Когда девочка была совсем маленькой, ее мама погибла в автокатастрофе. Второй женой Кипрасова стала сотрудница местной управы, по всем статьям деловая женщина, которая родила ему сына Святомира. Он учится в школе. В связи с гибелью дочери Виталий приказал взять его под круглосуточную охрану. Из досье также явствовало,

что Лилия училась на четвертом курсе Московского университета экономической политики (МУЭП). Причем очень даже неплохо – по всем данным шла на красный диплом...

– Ну, что тут еще можно сказать? – закончив чтение, произнес Лев. – Похоже, возможных причин убийства Лилии Кипрасовой набирается очень много. Как говорится, воз и маленькая тележка. Но, на мой взгляд, нам есть смысл сделать основной упор на те версии, которые завязаны на профессиональной и политической деятельности Кипрасова. Или ты все равно остаешься на своей позиции: убийца – маньяк-одиночка?

Потерев кончик носа, Крячко, немного помедлив, предложил:

– Давай так... Пусть у нас будет одна общая, рабочая версия. Ну а помимо нее – паратройка побочных. Работаем на основную, но не теряем из виду и дополнительные. Как смотришь?

– Разумно! – одобрил Гуров, переводя компьютер в режим сна. – Ну что? Отправляемся по своим адресам?

– Едем! – Стас помахал в воздухе листочком блокнота с выписанным на нем домашним адресом семьи Кипрасовых.

Вызвав служебную машину, Гуров поехал на Конноармейскую, где в четырехэтажном здании времен еще шестидесятых (его построили для одного из подразделений Союзснабсбыта) несколько лет назад разместился ставший очень модным среди столичного родительского бомонда МУЭП, о котором даже западные СМИ высказывались лишь с почтительным придыханием («О-о-о, это такой университет!...»). Водитель, разбитной сержант Костя, зарулив на ведомственную стоянку, изобилующую престижными моделями импортных авто, жизнерадостно сообщил:

– Лев Иванович, прибыли! Кстати, вход не в те двери жирафовских размеров, что за колоннами виднеются, а чуть правее, откуда только что вышли люди. Да, да, это там!

– А ты откуда знаешь? – поинтересовался Гуров.

– Да так... В голове застряло... Мне наши ребята как-то рассказывали, что, когда строилось это здание, была мода на все самое большое. Помните же анекдот: советские микросхемы – самые большие в мире? Вот и тут вроде того: у нас и двери – самые большие. Одним словом – гигантомания...

Когда Лев вошел в здание, то сразу ощутил, что этот вуз не страдает от избытка учащихся (в самом деле – где их набраться, миллионерских чад?!). Студенты, профессора, преподаватели, еще какие-то люди шли по коридору жиденькими ручейками. На глухой стене зала, судя по всему, отведенной под информационные стенды, даже издалека был виден портрет очень симпатичной, жизнерадостно улыбающейся девушки. Судя по всему, это и был прижизненный портрет Лилии Кипрасовой в черной траурной рамке. Перед портретом на столе горела свеча и стояла ваза с черными тюльпанами.

Показав охраннику, крупному мужчине средних лет, служебное удостоверение, Гуров отметил:

– Похоже, у вас тут не слишком настроены на скорбь... У всех – дела, дела, дела...

– Да, вы правы – у всех свои дела, – понимающе покачал тот головой. – И для них это главное. Лично мне девочку эту жалко – я ее сразу запомнил. Очень хорошая была – и умная, и доброжелательная, в отличие от многих других. Но... в наш век бешеных скоростей даже на скорбь времени не остается. Вон на днях похоронили профессора Мордвинцева. Спец высшей категории, по его учебникам даже американцы учатся. Он и умер прямо на лекции: на полуслове споткнулся, схватился за сердце, упал, и – все. «Скорая» помочь ничем уже не смогла. Позавчера похоронили. А уже вчера о нем никто и не вспомнил... Вот такая она, «вечная память»... Ну а вы, я так понимаю, занимаетесь расследованием убийства нашей студентки?

– Занимаемся... – лаконично обронил Лев, сунув «корочку» в карман. – Мне бы увидеть куратора группы, в которой она училась.

– Куратора? А-а-а! Доцента Окушева? Сейчас найдем... – Охранник снял трубку телефона и, набрав номер из трех цифр, попросил: – Будьте добры, Евгения Денисовича позовите.

Через пару минут к турникету проходной быстрым шагом подошел моложавый шатен с уже начавшей редеть шевелюрой. Это и был куратор группы, в которой училась Лилия. Узнав, по какому вопросу прибыл сотрудник Главка угрозыска, он грустно вздохнул и пригласил Гурова в свой достаточно скромно обставленный кабинет. Они сели тет-а-тет за длинный стол, заваленный бумагами, и хозяин кабинета со сдержанной печалью в голосе предложил:

– Спрашивайте! Кстати, может, чаю, кофе?

– Нет, нет, спасибо, я постараюсь у вас не отнимать слишком много времени... Прежде всего меня интересуют друзья и враги Лилии Кипрасовой, если таковые у нее имелись.

Понимающе кивнув, Окушев рассказал все, что ему было известно о личной жизни своей подопечной. По его словам, Лилия человеком была весьма скромным, и поэтому ни в группе, ни на курсе никаких особых напряжений не создавала. Она всегда держалась в тени и не имела склонности участвовать в традиционных студенческих проказах и авантюрах. Из тех, с кем достаточно близко дружила Кипрасова, Окушев смог назвать лишь Анастасию Велемирцеву – студентку из их группы. Эта девушка была полной противоположностью Лилии – заводной, шумной, даже несколько скандальной. По мнению куратора, Настя и одевается соответственно – хоть и с учетом установленного в их вузе определенного дресс-кода, но обязательно с чем-то вызывающим, эпатажным. В отличие от сдержанной в своем отношении к парням Лилии, Велемирцева являла собой эдакую светскую львицу, которая была окружена постоянным вниманием многочисленных ухажеров.

Окушев особо отметил, что ни разу не слышал о том, что у Кипрасовой могли быть какие-то недоброжелатели и тем более реальные враги.

– ...Откуда им взяться? Лилия человеком была бесконфликтным, в каких-то междусобойчиках и разборках принципиально не участвовала. Она избегала всякой скандалистики и конфликтов в любом их проявлении. Нет, нет! Вот поэтому-то лично я уверен в том, что причины убийства Лилии надо искать вне стен нашего МУЭП...

Как поведал куратор далее, приятельские отношения у Кипрасовой в какой-то мере имели место быть с еще двумя однокурсницами из других групп. Одна из них – Вера Чубатная (дочь крупного фермера, по сути, помещика) – была некоторым подобием самой Лилии. А вот другая – Янина Шаховская – представляла собой типичную мажорку. Эта взбалмошная и самовлюбленная особа была любительницей погонять на высокой скорости по улицам столицы на своем «гелике». Знавшие их обеих недоумевали: что вообще могло связывать скромняшку и тихоню Лилию с безбашенной эгоисткой Яниной, в сравнении с которой и Настя смотрелась комсомольской активисткой, приверженной моральному кодексу строителя коммунизма?

– А как бы мне с ними побеседовать? – поинтересовался Лев, на что его собеседник пообещал разыскать потенциальных свидетельниц и даже предложил для общения с ними свой кабинет.

Первой пришла, как с первого же взгляда догадался Гуров, Анастасия Велемирцева: одета она была несколько кричаще, ее походка и жестикация были словно срисованы с подиумных красоток. Впрочем, по лицу девушки можно было заметить, что внутренне она угнетена и расстроена. Скорее всего, это было связано со смертью подруги. Сев напротив Льва и сухо-вато поздоровавшись, Велемирцева с ходу сообщила, что обо всем уже рассказывала операм из Коневского райотдела и добавить ей уже нечего. Согласно кивнув, Лев попросил ее рассказать о вчерашнем вечере еще раз. Хотя бы в пределах того, что она уже рассказывала его коллегам, но обязательно со всеми деталями и подробностями и с самого-самого начала.

– Видите ли, нам очень важна каждая мелочь, каждая деталь... – пояснил он. – Тем более что в нашем деле пустяков и мелочей не бывает.

Недовольно поморщившись, девушка неохотно заговорила:

– Ну-у... Мы с Лилей сходить на этот показ собирались уже давно. Так-то, если откровенно, то пойти на Бруталлино ее уговорила я. Знаете, Лилия в свои двадцать два была как первоклашка какая-нибудь. Дикарка дикаркой. Вся в комплексах, вся в сомнениях, вся в каком-то своем придуманном мирке. Просто удивительно, как в центре Москвы могла вырасти такая дремучая деревня?! Как она собиралась работать по своей специальности – а экономическая политика штука жесткая, где надо быть чем-то вроде живой торпеды, – я не представляю. С парнями она почему-то не желала встречаться вообще – уже троих с нашего курса отфутболила...

– Может быть, она видела в них не интерес к себе как к личности, а интерес к кошельку ее состоятельного папы?

– О чем вы?!! – окинула Гурова удивленным взглядом Настя. – Состояния папочек и мамочек моих однокашников выражаются шестизначными, а то и девятизначными числами. К нам приезжают читать лекции профессора из лучших университетов Англии и США, например Итона. Что вы, Лев Иванович! Отец Лили, в сравнении с большинством прочих, где-то в конце списка. Кстати! Может быть, поэтому она и комплексовала?.. – Велемирцева с задумчиво-озадаченным видом вперила взгляд в потолок.

– Давайте вернемся к вчерашнему вечеру... – предложил Лев, хотя и вполне мягко, но достаточно настойчиво. – Итак, вы отправились на вечер показа мод кутюрье Бруталлино. Во сколько вы отправились, на чем, куда конкретно? Где именно проходило это, скажем так, шоу?

Анастасия рассказала, что экспозиция новых моделей именитого итальянца проходила в престижном столичном ночном клубе «Голд смолл фиш», что по-русски означает «Золотая рыбка». Начало было намечено на девять вечера, поэтому подружки отправились туда в начале девятого. Настя заехала за Лилией на своем стильном «Роллс-Ройсе», и уже ближе к девяти девушки входили в расцвеченные разноцветными яркими огнями стеклянные двери «кильки» (как меж собой мажоры именовали «Золотую рыбку»). Далее все было в обычном русле подобных мероприятий.

Вначале перед собравшимися выступил сам Бруталлино, который на ломаном русском долго и пространно говорил о том, сколь много сил и энергии им было затрачено на создание своих шэтэффрофф. Много говорил и о том, как он любит Россию, что считает россиянок самыми красивыми в Европе и мире. Ну а потом начался показ мод. Дефилирующие по подиуму манекенщики и манекенщицы старательно демонстрировали платья, блузки, джинсы, купальники... Как успели отметить подружки, кутюрье отчего-то вдруг проникся восточными, исламскими мотивами – во всех его моделях отчетливо просматривалось влияние арабской, персидской, турецкой моды. Тем не менее коллекцию Бруталлино зрители приняли весьма благосклонно.

Когда показ был завершен, было объявлено, что по итогам состоявшегося шоу будет устроен небольшой маскарад, совмещенный с дискотеккой и фуршетом. По мнению Анастасии, культурно-развлекательная часть программы вечера была вполне достойным продолжением предыдущей, так сказать, деловой. К тому же всякий, пришедший на показ, имел возможность примерить на себе точные копии только что продемонстрированных работ. Разумеется, она сама немедленно поспешила пройти в гардеробную, где нарядилась в платье, стилизованное под наряд принцессы Жасмин из мультфильма про Аладдина.

– А Лилия в этом маскараде участвовала? – поинтересовался Гуров.

– Что вы! – безнадежно махнула рукой Велемирцева. – При ее закомплексованности такое просто немыслимо... Кстати, я ей предложила попробовать примерить на себя хоть один из нарядов, но она и слышать об этом не пожелала, даже зайти в гардеробную не захотела.

– А когда вы вернулись в зал, Лилия находилась там?

– Да, конечно! Как стояла, подпирая стенку, так на том же месте и осталась! – закивала Настя.

– И тем не менее в какой-то момент вы потеряли ее из поля зрения... Она куда-то ушла. Вы это видели, или вдруг внезапно исчезла, словно растворилась? И что в тот момент вы об этом подумали?

Проведя ладонью по лицу, на котором вдруг появилась тень беспокойства и озабоченности, Велемирцева сообщила, что до своего окончательного исчезновения Лилия один раз отлучалась, судя по всему, в дамскую комнату. Настю в этот момент приглашал танцевать парень, одетый в стиле средневековой турецкой моды. Лилия вернулась из «дамской комнаты» достаточно быстро, заняв то же место у стены, где стояла и ранее. Когда стихла музыка и кавалер проводил Настю к «скамейке запасных», она немедленно подошла к подруге. Посетовав на то, что ее одолевает смертельная скука, Лилия поинтересовалась, когда же они, наконец-то, поедут домой.

Анастасии домой, напротив, ехать не хотелось совсем. Ее увлекала круговерть этой среды, здесь она чувствовала себя как рыба в воде и испытывала упоение происходящим. Но тем не менее решила, что, если ее на следующий танец никто не пригласит, они уедут не мешкая. Если же пригласят, то уедут после того, как закончится танец. Когда зазвучала музыка, к Насе тут же подошел уже другой кавалер, в наряде а-ля Саладдин. И вот именно во время этого танца Лилия вновь исчезла из поля зрения Насти, на этот раз уже навсегда.

– Стоп! Об этом как можно подробнее! – вскинув указательный палец, потребовал Гуров. – Говоря киношным языком, мне нужна показровая информация – что происходило вокруг Лилии в каждую следующую секунду. И, кстати, вокруг вас тоже!

– Вокруг меня?! – недоуменно скривила свои пухлые губы Велемирцева. – И тоже последующую?

– Именно!

– Ну, хорошо... – Девушка сложила меж собой ладони и, чуть наморщив лоб, начала перечислять: – Я стою у стены рядом с Лилей. Ко мне уверенно, даже как-то развязно, подходит приличный такой мэн типа Саладдина. Он приглашает меня на танец, я согласно киваю в ответ, он извиняется перед Лилей за то, что вынуждает ее остаться в одиночестве. Мы идем на середину зала, где уже десятка два пар. Танец... Ну, обычный медляк под музыку, по-моему, группы «Грин бэрд».

– Во время танца он вам что-нибудь говорил?

– Ну, да-а-а... Он без конца сыпал комплиментами, говорил о том, что я – самая красивая из присутствовавших там девушек, что мне невероятно к лицу надетый мною наряд, что лишь благодаря мне этот вечер такой замечательный... Если честно, мне показалось, что его слова были не очень искренни, какие-то фальшивые, надуманные. Я сразу же поняла, что он считает меня полной дурой, готовой лечь под первого встречного, и надеется снять меня на эту ночь...

Как рассказала далее Настя, слушая треп своего не в меру «восхищенного» кавалера, она время от времени поглядывала в сторону Лилии. Та по-прежнему томила в одиночестве, терпеливо ожидая, когда наконец кончится этот медляк. Неожиданно к Кипрасовой подошел один из гостей вечера. Одет он был в стиле а-ля марокканский пират с банданой на голове. Его левый глаз закрывала черная повязка, а правая нога коленом опиралась о фальшивый протез-«колодянку». Незнакомец, широко жестикулируя, что-то расписывал Лилии, которая, чуть заметно улыбаясь, терпеливо выслушивала его болтовню.

– В этот момент мне подумалось: ну, наконец-то она хоть с кем-то познакомится! – тягостно вздохнула Настя. – Ну а когда я снова взглянула в ее сторону, то ни ее, ни «пирата» уже не было. Впрочем, ничего плохого в тот момент я даже не заподозрила. Для меня этот вечер был сплошным праздником – феерическим, добрым и жизнерадостным. Все улыбались, все было супер... Мне подумалось, что Лилия с этим парнем могла пойти «пофуршетить». Всяких там соков, даже хорошего шампанского было – залейся, и всяких фруктов полно. Я когда

глянула в сторону бара, то у одной из стоек вроде бы ее заметила, поэтому и не стала беспокоиться. Ну а что? Она в монашках не состоит, имеет право развлечься, оттянуться...

Когда же пауза с отсутствием Лилии несколько затянулась, сразу же после того, как они раскланялись с кавалером, Настя поспешила в бар, где с большим удивлением обнаружила, что подруги там почему-то нет. Она тут же достала телефон, набрала ее номер и после нескольких гудков услышала малоразборчивое, сказанное женским голосом:

– Отстань!

По тональности сказанного и некоторой отстраненности голоса Настя сразу же сообразила, что, вероятнее всего, Лилия в момент звонка находилась в постели с мужчиной и ее звонок прозвучал как нельзя некстати. Иронично отметив про себя: «Вот тебе и недотрога! С ходу прыгнула к мужику в постель!», Велемицева выпила шампусика с какой-то компанией из трех девушек, провозгласивших замысловато-абстрактный тост: «За то, чтобы всегда и всюду – окончательно и бесповоротно!», и вновь отправилась танцевать. Опомнилась лишь через два с лишним часа, когда внезапно подал сигнал ее смартфон, известивший о том, что с ней кто-то желает пообщаться. Этим кем-то оказался Виталий Романович Кипрасов, который обеспокоенно поинтересовался, как в данный момент чувствует себя его дочь Лиля. Интересовало его и то, почему не отвечает ее телефон. И только тут, мгновенно остыв от горячки только что закончившейся залихватской пляски, Анастасия припомнила, что Лилия куда-то ушла, причем с кем-то совершенно неизвестным, и в данный момент находится вообще неведомо где. Собравшись с духом, она рассказала Кипрасову все как есть. Не утаила даже своих подозрений по поводу предполагаемого врямяпровождения Лилии с каким-то мужчиной.

– Ну, трижды твою расчелтырежды!!! – свирепо прорычал Виталий и отключил связь.

А Насте отчего-то вдруг стало страшно. Этот вечер, всего минуту назад казавшийся ей средоточием безграничного счастья, вдруг обратился в нечто противоположное, мрачное и враждебное. Даже развеселая, разухабистая музыка отчего-то вдруг приобрела интонации похоронного марша Шопена. Она поспешила к выходу, но там ее встретили две улыбающиеся девушки из обслуживающего персонала ночного клуба. Они зачем-то вручили ей большой, туго набитый пакет. На недоуменный вопрос Насти: «Что это и зачем?!» – девушки пояснили, что это – сделанные ею покупки. И только тут Настя смутно припомнила, как, перебрав с тостами и шампанским, она, не отходя от стойки бара, приобрела несколько эксклюзивных нарядов от Бруталлино по какой-то заоблачной цене и, проверив свою банковскую карточку, поняла, что на ее счету от имевшихся там двадцати тысяч долларов практически ничего не осталось.

Приехав домой, она тут же легла спать. Снилось ей что-то мрачное и пугающее. Какой-то длинный, как оглобля, старик во всем белом звал ее с собой в темный, мрачный лес. Утром матери Насти с трудом удалось растолкать свою припозднившуюся дочь. Кое-как умывшись, причесавшись и позавтракав, Анастасия поспешила в универ. А уже прибыв туда, узнала жуткую новость о том, что случилось с Лилией. Дойдя до этого места своего повествования, Велемицева внезапно вздрогнула всем телом и закрыла лицо руками, после чего, раскачиваясь из стороны в сторону, простонала:

– О-о-о-о-о!.. Господи! Господи-и-и-и! Бедная Лилька! Это я во всем виновата!

Судя по всему, до нее только сейчас дошло, что именно случилось с тихой, беззащитной Лилией Кипрасовой. Но, видимо, эта ее реакция, где-то даже истеричная, была каким-то образом спровоцирована чем-то еще. Например, тем, что повлекло ее странную амнезию, пережитую в «Золотой рыбке».

«Надо будет проверить, не использовался ли организаторами фуршета какой-либо наркотик, который они могли подсыпать в соки и шампанское...» – мысленно отметил Гуров.

С трудом взяв себя в руки, Настя слабым голосом спросила:

– У вас ко мне еще будут вопросы? Я хотела бы уехать домой. Надо прийти в себя, надо хоть немного стряхнуть с себя весь этот ужас...

– Да, в принципе вы можете быть свободны, но вам придется заехать в центральную лабораторию судмедэкспертизы. Там нужно будет сдать анализы на отравление препаратами нейротоксического действия, которые могли подмешать в напитки, подававшиеся в баре «Золотой рыбки». Вот, возьмите направление – здесь адрес лаборатории... – Лев протянул девушке вырванный из блокнота лист бумаги с несколькими строчками, выведенными размашисто-угловатым почерком.

– Ой, я так боюсь, когда берут кровь из вены!.. – пробежав взглядом по написанному, мученически поморщилась Настя.

– Никакой крови, – пояснил Гуров. – Для анализа будет достаточно пробы слюны и, pardon, мочи. Да, и еще один момент! Когда вы слышали сказанное по телефону женским голосом «Отстань!», вы были уверены, что это произнесла именно Лилия? Для нее было характерным использование такого слова, или ранее вы от нее ничего похожего не слышали?

Потерев виски, Настя напряженно задумалась, что-то припоминая.

– Знаете... Да, мне показалось, что это был голос не Лили. Показалось странным и то, что она сказала: «Отстань!», – но я посчитала, что в предполагаемой мною ситуации – ну, секс с ухажером – она могла выразиться именно так... О боже мо-о-й!.. Ну все, я пойду?

Когда Велемирцева, тягостно вздыхая, покинула кабинет, Лев немедленно созвонился с главным судмедэкспертом главка Дроздовым. Узнав, не слишком ли тот занят, он поручил ему провести самое тщательное обследование тела Лилии Кипрасовой.

– Лев Иванович, – в своей обычной суховатой манере откликнулся судмедэксперт, – соответствующее распоряжение по Кипрасовой Петр Николаевич мне уже отдал. Прямо сейчас выезжаю в морг.

Выразив полное одобрение тому, что Дроздов уже, так сказать, в теме, Гуров добавил, что надо бы очень внимательно проверить, не принимала ли потерпевшая перед смертью чего-то влияющего на психику. Например, седативные и тому подобные препараты.

– Хорошо, Лев Иванович, обращаю на это самое серьезное внимание, – все так же суховато пообещал его собеседник.

Едва Лев закончил разговор с Дроздовым, в дверь кто-то постучал, и на пороге появилась круглолицая девушка с черной косынкой, завязанной ободком на голове. Судя по ее покрасневшим глазам, можно было догадаться, что совсем недавно она плакала.

– Вера Чубатная? Проходите, присаживайтесь!

– Да, я Вера... Здравствуйте! – садясь на стул, ответила девушка.

– Вера, меня интересует все, что касается Лилии Кипрасовой, – заговорил Лев. – Что вы о ней могли бы рассказать?

– Если честно, то, к сожалению, я о ней знаю столько же, сколько и все прочие... – грустно улыбнулась Вера. – Не могу сказать почему, но нас считали чуть ли не лучшими подругами, хотя с ней у меня взаимоотношения были как и с любой другой однокурсницей.

Как далее явствовало из рассказа Веры, познакомилась она с Лилией еще на первом курсе. Они как-то раз разговорились в институтском кафе, оказавшись за одним столиком. Лилия вначале показалась Вере несколько высокомерной и в чем-то даже надменной. Но позже она поняла, что та, от природы будучи очень ранимой и застенчивой, создала себе такую психологическую маску, чтобы отгородиться от тех, кто не страдал избытком воспитанности и деликатности.

О себе Лилия рассказывала, как правило, не слишком много и не очень охотно. Из отрывочных разговоров с ней Вера узнала, что ее мама погибла в автокатастрофе, когда та была еще совсем маленькой. Ну а вторая жена отца особой любви к падчерице не питала, и моральная атмосфера в их доме все эти годы была не самая теплая. Особенно после того, как у мачехи

родился сын. С той поры отношение к Вере стало еще более холодным. Отец как-то старался душевно согреть свою дочку, побаловать ее подарками, но мачеха этого весьма не одобряла. Так что Лилии жилось не слишком сладко. Она мечтала поскорее окончить институт и уехать куда-нибудь за границу.

– Вот, собственно, и все, что я знаю о ее семье... – пожала плечами Вера.

– А что вы можете сказать о взаимоотношениях Лилии с противоположным полом? Ее фото я видел и могу вполне уверенно сказать, что девушка она была хоть и не «голливудской» наружности, но вполне приятная. Настя мне сейчас рассказала, что женихов Лилия отфутболивала – не хотела ни с кем знакомиться. Это соответствует действительности? И если да, то что могло стать причиной таким настроениям?

– Да, да, это и в самом деле так... – кивнув, вздохнула Вера. – И это не какой-то ее пустой каприз. Девчонки рассказывали, что это следствие серьезной душевной травмы, пережитой ею еще в школе. Отчасти об этом я тоже знаю из ее полунамеков. В общем, как я смогла понять, она училась в лучшей московской английской спецшколе. Кстати, по-английски Лилия «спикала» – от англичанки не отличишь. В нашей институтской библиотеке – представляете! – она читала труды американских экономистов в подлиннике! И вот там, в школе, классе в девятом, случилось с ней такое несчастье – влюбилась она в парня из одиннадцатого. Он ей тоже вроде бы ответил взаимностью. А сам, скотина, реально ухаживал за какой-то школьной красоткой. Как-то раз Лилия случайно услышала их разговор. Красотка упрекала парня в том, что он «путается» с «какой-то страшилкой» из девятого. А он ей отвечал, типа того, что его от Лилии тошнит, а встречается он с ней только потому, что к этому его принуждает отец. Тот, понимаете ли, мечтал породниться с денежным человеком, чтобы потом, за счет его капиталов, решить свои шкурные проблемы. Для Лилии услышанное было настоящим шоком. Она тут же перешла в другую школу и больше на парней даже не глядела...

Глава 2

Закончив разговор с Верой Чубатной, Гуров собрался созвониться с информационщиками главка, но тут примчалась Янина Шаховская. Судя по ее прикиду, Настя Велемирцева в сравнении с ней и в самом деле могла считаться сущей скромняшкой. Без стука влетев в кабинет и без приглашения плюхнувшись на стул, Янина положила пятку правой ноги на колено левой, вызываясь распахнув все то, что было под мини-юбкой, ухмыльнулась и, покачивая носком босоножки (как можно было догадаться, стоимостью не менее полутора-двух тысяч долларов), со значением в голосе объявила:

– Очень внимательно вас слушаю и готова... Ну, вообще-то, я готова на о-о-чень многое!.. Тем более с таким мушчиной!..

Гуров сразу же понял, что все это представление – не более чем сознательный эпатаж, призванный выбить его из колеи и поставить в глупое положение. Поэтому он спокойно, но очень жестко предложил:

– Извольте сесть нормально и ответить на все мои вопросы. Иначе я буду вынужден подзрывать вас в нежелании сотрудничать со следствием со всеми вытекающими отсюда последствиями. Вы меня хорошо поняли? – и окинул Шаховскую внимательным взглядом.

Та, сразу смешавшись, тут же села ровно и, слегка порозовев, шмыгнула носом. Мысленно отметив, что эта Янина не такая уж и оторва, какой пытается себя изобразить, Лев сразу же перешел к делу:

– Что можете сказать о Лилии Кипрасовой? Вы с ней вроде бы были в приятельских отношениях?

Немного помявшись, Янина неуверенно произнесла:

– Ну, да-а-а... Ну, как – приятельские? Просто мне нравилось с ней поболтать на разные темы. Она мне иногда помогала с курсовыми, с подготовкой докладов на коллоквиумы... То, что с ней случилось, для меня полная неожиданность. Я даже не представляю, кто и почему это сделал...

– А у нее конфликты в стенах вашего учебного заведения случались? Ну там со своими однокашниками, с преподами, как вы их называете?

Немного подумав, Шаховская мотнула головой из стороны в сторону:

– По-моему, я ни разу не слышала ни о каких конфликтах. Нет-нет! Она просто не давала повода к каким-либо «теркам». Так-то, конечно, о ней говорили всякое. Считали, что у нее проблемы с секс-ориентацией... Ну, раз ни с кем не встречалась и пацанов «отшивала» в момент. А еще болтали, что она от кого-то «залетела» и сделала аборт. Вот вроде бы после этого Лилька мужиков возненавидела и больше никого видеть не желала.

– А с ней действительно произошла такая история? – выжидающе прищурился Гуров.

– Да не-е-е-т. Это все пустой треп. Как-то раз кто-то из наших «всезнаек» объявил, что Лилька все еще девственница. Ну, наш главный тутешний казанова Борька Мурашнов тут же начал к ней клеиться, подбивать клинья... Правда, зря он пыжился – Лилька его проигнорировала. Но он уперся рогом, даже поспорил со своим приятелем и конкурентом по ухажерским делам Данилой Заливаевым, что все равно не позже чем через месяц гарантированно ее «оприходуется»... – Янина пренебрежительно поморщилась.

– А на что они поспорили? – сразу же заинтересовался этим откровением Лев.

– На свои машины. У Борьки «гелик», у Даньки – «Ламборджини». Условие было такое, что проигравший отдает свою тачку победителю.

– И кто же выиграл пари?

– Данька. У Мурашнова из его затеи ничего не вышло. Лилька держалась как камень. Борька сам отогнал «гелик» к дому Заливаева и бросил там с ключами в замке. Неделю ходил

насупленный как туча. Правда, дело тут не в тачке. У него этих жестянок – как мусора. Ему досадно было то, что с Лилькой у него ничего не вышло, что этот орешек оказался ему не по зубам. Он же с налету любую мог уболтать, а тут – такой облом... Нет, вы только не подумайте, что это Борька мог ее убить! – внезапно спохватилась Янина. – Нет, нет! Конечно, он – не святой, но... Такое? Это не про него.

– А вот Даниил Заливаев... Он за Лилией ухаживать не пытался? – неожиданно спросил Гуров.

– Пробовал... – усмехнувшись, ответила Янина. – И, как мне казалось, он ей нравился. Но-о-о... Она мне как-то сказала про него, что как парень он был бы ничего, если бы не был слабоват на «одно место»... Я сначала не поняла, о чем речь. Но она пояснила, что как-то раз проезжала с отцом мимо ночного клуба «Голубая роза» и видела, как оттуда выходил Данила. Ну а о том, что это – гей-клуб, не знает только глухой.

– И все же... Как вы считаете, кто мог убить Лилию?

– Даже не представляю – развела руками Шаховская. – Возможно, какой-нибудь маньячила, наподобие того уroda из Битцевского парка... – предположила она.

– Да не-е-е-т, вряд ли... – отрицательно качнул головой Лев. – Насколько мне удалось выяснить, к тому месту, где она была убита, Лилия пошла с показа мод Бруталлино, скорее всего, с кем-то из зрителей. А среди той публики уличных отморожков явно не было и быть не могло. Там же один лишь вход на показ стоил столько, что битцевскому отморожку, чтобы попасть туда, пришлось бы ограбить банк.

Это «нечаянное откровение» он выдал специально, чтобы вбросить в мажорскую среду информацию тревожного свойства для тех, кто причастен к убийству Лилии. Мысль о том, что опера в какой-то мере смогли идентифицировать хотя бы социальную группу лиц, виновных в смерти девушки, наверняка вынудит их начать действовать. И эти действия (от вбросов заведомой дезы и попыток подкупа до попыток физического устранения излишне настырных сыщиков) дадут им со Стасом неплохой шанс выйти на убийцу. А Янина на роль общедоступного живого «конверта» с тревожащей преступника информацией подходит как нельзя лучше. То, что эта девушка избытком скромности не страдает и ее повседневность изобилует любовными экспресс-связями, было яснее ясного, и, следовательно, у нее очень широкий круг знакомств в среде мужской части мажоров. А вот это – самое то, что и было бы нужно. Найти точный ориентир, в какую сторону направить свой поиск, – это, считай, уже половина успеха в кармане.

– Так вы полагаете, что убийца – не какой-то там мокрушник из подворотни, а состоятельный человек из «форбсовского» топа? – с долей недоумения уточнила собеседница Гурова.

– Я в этом почти уверен! Более того, я даже уже сейчас берусь предположить, кто персонально совершил убийство... – При этих словах Лев вдруг как бы спохватился: – Гм!.. Похоже, этого озвучивать мне не стоило бы. Янина, давайте договоримся: все сказанное выше пусть останется строго между нами. Хорошо?

– Да, да, конечно! – закивала та.

Задав ей еще несколько малозначащих вопросов и получив столь же малозначащие ответы, Гуров отпустил Янину, напоследок напомнив ей о конфиденциальности. Когда девушка вышла, про себя он сразу же отметил, что эту особу стоит взять на заметку и по возможности отследить все ее контакты. Когда запущенная им информационная «блесна» достигнет нужных ушей, с Шаховской почти наверняка постарается встретиться один из тех, кто причастен к убийству Кипрасовой. Если только эти предположения верны и избран правильный вектор расследования, это существенно повысит шансы в скором времени увидеть убийцу в наручниках.

Глубоко задумавшись, Лев прошелся по кабинету. Теперь нужно было придумать повод, чтобы встретиться со здешними бабниками-налетчиками Мурашновым и Заливаевым. Но как

бы это сделать, чтобы не подставить Янину? В этот момент, приоткрыв дверь, в кабинет заглянул Окушев.

– Извините, Лев Иванович, если помешал... Вы уже закончили? – поинтересовался он.

– Да, да, Евгений Денисович, закончил. Это вы меня извините за доставленные вам неудобства...

– Что вы, Лев Иванович! Какие неудобства? Раз вы ищете убийц Лили Кипрасовой, прошу понять правильно, моей самой любимой студентки, то я готов оказать вам любое возможное содействие. Кстати, Лилю у нас очень многие любили. Так-то она никогда себя не выставляла напоказ, всегда была тихой, как бы неприметной... Но в ней была бездна обаяния, какой-то чистоты. Между нами говоря, – Окушев перешел на полусшепот, – я всегда поражался тому, как в типично буржуазной семье могло появиться столь романтическое, эфемерное создание... Ну, согласитесь, Лилю ведь и близко не сравнить со многими этими полоумными, закормленными деньгами родителей детками. Я здесь работаю уже пятый год и насмотрелся всякого более чем достаточно. Только половину можно считать хотя бы относительно психически и нравственно здоровыми людьми. И то, если закрыть глаза на высокомерие одних и заносчивое самомнение других. Ну а другая половина – это нечто из триллера о какой-нибудь подпольной психушке. Это больные на всю голову создания, мнящие себя небожителями, которым обязаны угождать все прочие недочеловеки. Это серпентарий и террариум одновременно. И, что самое интересное и одновременно печальное, такая оголтелая барчуковщина свойственна прежде всего нашей стране. Да! Мне доводилось сталкиваться с иностранными студентами из богатых семей. Скажу откровенно, эти заметно проще. В Итоне и Кембридже, каким бы ни был студент богатым, он никогда этого не выпячивает и никогда не обратится к преподавателю на уровне «эй, ты». А мы никак не выйдем из бандитских, малиново-пиджачных девяностых. Мне уже предлагали работу в одном из вузов Канады. Вот последнее время все чаще прикидываю на досуге – а может, и в самом деле свалить за бугор? Уже опротивела эта тупая дурь золотоунитазных кретинов, как говорится, простите мой французский...

– Евгений Денисович, – выслушав своего собеседника, заговорщицким тоном произнес Лев, – а как бы мне взглянуть на Мурашнова и Заливаева со стороны? Но только так, чтобы я их видел, а они меня – нет! А?

– Да без проблем! – махнул рукой Окушев. – Например, я могу по какому-то вопросу вызвать их сюда. А вы, стоя от кабинета в некотором отдалении, сможете рассмотреть их обоих. Такой вариант подойдет?

– Лучше и не придумаешь! – одобрил Лев, выходя в коридор.

Минут через пять к кабинету Окушева, что-то обсуждая на ходу и взирая на окружающее с долей самодовольного высокомерия, вальяжной походочкой приблизились двое рослых лбов в «крутячком прикиде». Без стука, пинком импортной туфли открыв дверь, они вошли внутрь. У Окушева мажоры пробыли недолго. Всего через пару минут, выходя в коридор, один из них бросил через плечо:

– Слышь, ты, окушарик! Стуканешь предку – порву, как Тузик грелку! Усек, убогий?

Они двинулись по коридору навстречу Гурову, обмениваясь плоскими островами по поводу «всякого тут нищебыдла». Делая вид, будто он что-то ищет в меню своего сотового, Лев зашагал им навстречу, словно никого не видя перед собой. Поравнявшись с мажорами, он с хорошо сыгранной нерасторопностью столкнулся с одним и наступил на ногу другому. Ответная реакция не заставила себя ждать. Тот, с которым он столкнулся, матерно выругавшись, грубо оттолкнул лошару в сторону. Ударившись плечом об угол стены, Лев урезонивающе бросил:

– Что вы делаете?

В тот же миг второй, охарактеризовав лошару непечатным слогом, резко ударил его кулаком под дых. Правда, наткнувшись своим не самым крепким орудием агрессии с весьма плот-

ным мускульным щитом живота рослого незнакомца, он вдруг ощутил какую-то смутную тревогу и невольно попятился назад. И не напрасно! Голос незнакомца, внезапно став жестким и хлестким, как удар бича, сурово приказал:

– А ну, стоять! Не двигаться обоим!

Это заставило мажоров, которые запоздало пожалели о своей несдержанности, замереть на месте. Они вдруг сообразили, что этот незнакомец вовсе не лошара, а для них потенциально чем-то очень опасная личность. И всего мгновение спустя парни смогли в этом убедиться лично, увидев служебное удостоверение сотрудника полиции. Довершили их запоздалый испуг следующие слова незнакомца:

– Полковник Гуров, Главное управление угрозыска! Так, молодые люди... Значит, вы сотруднику внутренних органов нанесли побои? Зря! Подобные действия противозаконны и уголовно наказуемы. Вам это известно?

На мгновение струхнув до дрожи в коленках, мажоры тут же вдруг снова вспомнили, что они – МАЖОРЫ, вспомнили, кто их папы и каковы возможности пап. Облегченно переводя дух, студент, толкнувший Гурова, язвительно поинтересовался:

– Слышь, полковник, а ты уверен, что твои погоны приклеены надежно? Один мой звонок папашке, и их тут же сдует, а ты пойдешь, с соплями и слезами, мести столичные улицы.

– Столичные? Много чести! Поедешь дворником в самый отстойный Мухостранск! – Парень, ударивший Льва, пренебрежительно помахал пальцем перед его носом. – Это я тебе гарантирую, бывший полковник. Все, пошел вон, пока тебя тут не загасили!

Окинув их изучающим взглядом биолога, который рассматривает под микроскопом неизвестную разновидность бациллы, Гуров миролюбиво улыбнулся и предложил:

– Пройдемте-ка в тот кабинет, в котором вы только что побывали. Идемте, идемте, в ваших же интересах. Мы сейчас там с вами оч-чень мило побеседуем. Очень! Ну! – жестко отрубил он и, внушительно похлопав рукой по левой подмышке, где под пиджаком явно скрывалось нечто увесистое, добавил: – Или вас туда отконвоировать?

Мажоры, вновь почувствовав внутреннюю неуютность, неохотно подчинились. Они уже без недавнего куража открыли дверь кабинета и, подавленно взглянув на удивленно возмущенного в их сторону Окушева, медленно переступили через порог.

– Евгений Денисович, – войдя следом за ними, приятельски улыбнулся Гуров, – мои вам извинения за то, что беспокою. Вы позволите ненадолго занять ваш кабинет? Я тут немного побеседую с этими необычайно воспитанными молодыми людьми. Хорошо?

– Хорошо, хорошо! – согласился тот. – Беседуйте, на здоровье!

«Беседуйте, на здоровье» Окушев произнес с нескрываемым сарказмом и с чуть заметной язвительной улыбкой покинул кабинет. Зато мажорам явно было не до улыбок. Оставшись наедине с этим непредсказуемым опером в тесноватом кабинете, парни окончательно скисли. Вновь вспомнив про своих всемогущих пап, они машинально потянулись в карман за средством связи, но жесткий окрик: «Отставить!» – тут же пресек эту попытку. Пройдясь по кабинету взад-вперед, Лев остановился перед начавшими не на шутку волноваться мажорами и сурово оповестил их:

– Ставлю вас в известность, юноши, что я занимаюсь расследованием убийства студентки вашего вуза. Имя Лилия Кипрасова вам знакомо? Имейте в виду, что я располагаю чрезвычайными полномочиями и волен задерживать всякого, кто окажется в числе подозреваемых. А вы у меня, граждане студенты, отчего-то вызываете серьезные подозрения.

– Простите, а в связи с чем именно мы двое оказались в роли подозреваемых? – робко поинтересовался «боксер».

– Отвечу. Вы у нас в оперативной разработке как антисоциальные личности, склонные к уголовщине. У нас везде есть свои информаторы, от которых мы знаем очень многое. Вы думаете, мы сейчас случайно столкнулись в коридоре? Нет! Это был своего рода тест на вашу

склонность к криминалу. И он показал: вы способны на любые противоправные действия. Ясно? Тогда повторяю свой вопрос: Лилию Кипрасову вы хорошо знали?

Переглянувшись, мажоры без особого энтузиазма подтвердили, что – да, Лилия Кипрасова им была знакома, но на уровне «здравствуй и пока». Ближе они с ней никогда не общались и общаться не собирались.

– Да-а-а?! – язвительно протянул Гуров. – А скажите-ка мне, граждане мажоры, кто из вас двоих Мурашнов, а кто – Заливаев?

Парни от услышанного несколько опешили и около минуты хранили гробовое молчание. Лишь очередное суровое «Ну-у-у?» вернуло им дар речи.

– Гм... М-мурашнов – это я... – неуверенно проблеял тот, что толкнул Гурова в коридоре.

– Ага-а-а... – Лев ткнул пальцем в «боксер», ударившего его под дых: – А это тогда, выходит, Заливаев? Ну, Заливаев, рассказывай, только заливать не надо, про ходовые качества «гелика», отспоренного у Мурашнова. Хорошо бегаешь? А ты, Мурашнов, оказывается, силен только на язык? Хвастанул уболтать девушку, а она тебя послала вдоль по Питерской? Правильно, между прочим, и сделала. Но в связи со всем тем, что мне уже известно, закономерно возникает вопрос: кто из вас ее убил? Кто и за что? Ты, Мурашнов за то, что она тебе отказала и ты проспорил машину? Или ты, Заливаев, за то, что она разоблачила в тебе приверженца однополых отношений?

Слегка позеленевший Заливаев возмущенно возопил:

– Какие еще однополые?! Полковник, что за бред ты несешь! Когда и кто меня разоблачал? Лилька? Да мы с ней толком никогда и не пересекались. Что за сплетни?!

С трудом удержавшись от того, чтобы не съязвить («Может, проведем гинекологическую экспертизу?»), Лев вновь задал тот же вопрос:

– Ну, так кто из вас убил Лилию? Врать не советую. Иначе ночевать сегодня будете в Лефортово, в камере с матерыми сидельцами, которые вас в момент лишат девственности, если она у кого-то еще сохранилась.

– Мы ее не убивали! Я требую адвоката и буду говорить только в его присутствии! – нервно выпалил Мурашнов. – Кроме того, я имею право на один телефонный звонок!

– Я тоже! – срываясь на фальцет, выкрикнул Заливаев. – Между прочим, это мое законное право, гарантированное мне Конституцией!

– А что? Звоните... – сдержанно усмехнувшись, обронил Гуров. – Но прошу не забывать: в данный момент для меня вы – подозреваемые, а чтобы поменять свой статус, вам необходимо доказать свое алиби. Пока к вам на выручку едут ваши адвокаты и папы, думайте об алиби. Случившееся с Лилией Кипрасовой слишком серьезно, чтобы это дело можно было как-то замять, заглушить, затереть... Стоит дать в СМИ намек на то, что реальные подозреваемые есть, но их уводят от ответственности богатые родители, и взрыв возмущения с непредсказуемыми последствиями неминуем. Не переоцените возможностей своих папочек!

Иронично наблюдая за мажорами, которые, прижав к уху ставшие влажными от пота смартфоны, кому-то торопливо плакали на «ментовской беспредел», Лев тоже достал телефон и сделал в главк один звонок...

Глава 3

Адвокаты и отцы мажоров прибыли на удивление быстро. Причем не одни, а в сопровождении своих секьюрити. Трое горилл, держа оружие на изготовку, с топаньем и грохотом ворвались в кабинет. Вслед за ними вошли двое – раскормленный гражданин лет пятидесяти, с признаками начинающегося цирроза печени, и сухощаво-вертлявый тип с толстой кожаной папкой под мышкой. Лев сразу же вспомнил, что этих двоих он уже видел. Раскормленный лет двенадцать назад проходил по делу о хищении крупной партии золота с прииска Синяжский, которое расследовали они со Стасом. Этот тип работал замом главного инженера. Помнится, суд припаял ему семь лет. И вот он уже на свободе, да еще и в роли средней руки олигарха. Надо же, сколь благосклонна к нему судьба! Видать, далеко не все золотишко соответствующим службам удалось конфисковать у приискового начальственного воря.

Второй из прибывших, его звали Жоржем Разгилово, был бессменным адвокатом криминальных авторитетов регионального масштаба и по совместительству известным «правозащитником», то и дело на всевозможных «забугорных» форумах вещавшим о «грубом попрании прав человека в России». Правда, говоря о человеке с поправленными правами, он почему-то имел в виду лишь представителей криминальной элиты.

Окинув Гурова неприязненным взглядом, раскормленный сипловато выдохнул:

– Ну и что тут происходит? На каком основании задержан мой сын? Кто тут такой крутой, что посмел устроить этот цирк? Этот, что ли? – бесцеремонно ткнул он пальцем в сторону Гурова.

– Да, это он, это он! – обрадованно закивал Мурашнов. – Он нам шьет мокрушную статью!

– Шьет? – кривовато ухмыльнулся раскормленный. – Ща разберемся с этим храбрым портняжкой...

Его последние слова заглушил громкий топот ног, и в кабинет с отрывистыми, лающими выкриками ворвалась еще одна команда из трех горилл, которые взяли на мушку всех, кто находился в кабинете. Вошедший следом за ними долговязый тип с лысиной в полголовы и тусклым взглядом вяленой воблы бесцветно, без предисловий, скрипуче спросил раскормленного:

– Что, и твоего ментяра загреб? Может, этого мусора в асфальт закатать?

Сопровождавший его адвокат чуть визгливо объявил:

– Я фиксирую факт произвола и беззакония!..

Но в этот момент в коридоре вновь раздался топот ног. Дверь резко распахнулась, и в кабинет уверенным шагом вошел квадратный крепыш в сером камуфляже с погонами капитана, с автоматом на изготовку и балаклавой на лице. Четко, по-военному, он обратился к Гурову:

– Товарищ полковник, группа спецназа Росгвардии прибыла в ваше распоряжение!

В кабинете повисла нехорошая, напряженная до звона в ушах тишина, которую нарушил невозмутимо-спокойный голос Льва:

– Вот и замечательно! Значит, капитан, этих шестерых орангутангов разоружить и вывести за пределы здания данного вуза. Эти, эти и эти, – указал он на мажоров, их папаш и адвокатов, – остаются здесь. Мы сейчас с ними предметно побеседуем.

Выглянув в коридор, капитан отдал короткую команду, после чего рослые суровые парни в сером камуфляже, профессионально сноровисто обыскав обескураженных «горилл», без церемоний вывели их из помещения. Все произошло настолько неожиданно и быстро, что оба папаша, впав в ступор, лишь хлопали глазами, наблюдая за происходящим. Одни лишь адвокаты кинулись кому-то звонить, какой-то своей правозащитной «крыше». До слуха Гурова

доносились обрывки фраз о «правовом беспределе», «вопиющем попрании прав человека» и о «совковом терроре образца тридцать седьмого». Когда адвокаты, выговорившись, кончили звонить, он не спеша поинтересовался:

– Поплакались? Теперь к делу... Значит, я – полковник Гуров, Главное управление угрозыска. Кстати, господин Мурашнов, вы меня не помните? Ну как же! Когда-то мне довелось расследовать вашу «ударную стахановскую» работу на прииске Синяжском.

– Гу-ров?!! – Мурашнов-старший растерянно захлопал глазами, челюсть у него отвисла, и он некоторое время ничего не мог сказать. – Я думал, тебя давно уже убили... Жив, значит!

– Конечно, жив! И, между прочим, как в былые времена то и дело отправляю на нары излишне наглых и самоуверенных. Ты хотел разобраться с храбрым портняжкой? А не опасешься, что я сам захочу разобраться с «Буратино», который, отбыв срок за кражи золота, вдруг оказался богатеньким Карабасом-Барабасом? Вдруг мне захочется узнать, откуда дровишки, откуда богатешко? А?

На этот вопрос Мурашнов ответил угрюмым молчанием. Впрочем, заметно поджал хвост и воблоглазый. Выдержав паузу, Гуров продолжил:

– Так вот... Я занимаюсь расследованием убийства студентки данного вуза Лилии Кипрасовой. Как мне стало известно из информированных источников, эти двое молодых людей некоторое время назад заключали меж собой пари, согласно которому Борис Мурашнов намеревался каким-то образом склонить Кипрасову к интимной связи. Но это ему не удалось, и он отдал, по условиям пари, свой автомобиль «Гелендваген» Даниле Заливаеву...

– Чего-о-о-о?! – возопил Мурашнов-старший. – Ты же сказал, что тачку у тебя угнали! Как это понимать? Сколько их тебе можно покупать?! Ты что, не в курсах, что сейчас экономический кризис и у меня каждый миллион на счету?!

– Ну, так вышло... – поеживаясь, выдал Мурашнов-младший, пряча взгляд от раскиптившегося папаша.

– Таким образом, – снова заговорил Гуров, – я имею все основания считать, что у Бориса Мурашнова налицо явный мотив совершить убийство Кипрасовой из чувства мести за то, что она отвергла его ухаживания и он из-за этого утратил свой автомобиль.

– Борис Борисович, – спешно затарахтел адвокат Разгилово, – на эти беспочвенные выпады мента можете не отвечать! У него нет зафиксированных в законном порядке показаний оговорившего вас лица, поэтому все, что он говорит, – не более чем попытка оказать на вас психологическое давление.

Изобразив ехидную улыбочку, приободрившийся Мурашнов-младший с вызовом взглянул на Льва, словно желая сказать: «Ну, как мы тебя?!» Но Гуров, даже не взглянув в сторону мажора, тут же внес свои резоны в сказанное адвокатом:

– Дело хозяйское... Но отвечать на мой вопрос вам все равно придется, не сегодня, так завтра. Не хотите говорить со мной в приватной обстановке? Хорошо! Будете отвечать на те же вопросы, но уже по повестке, в присутствии уймы народу, всяких СМИ... Вам это нужно?

Мурашнов-старший изобразил зверскую гримасу и, немного подумав, обернулся к сыну:

– Так, Борюнчик, если этот мен... гм!.. полковник требует от тебя это самое алиби и оно у тебя имеется, – давай, выкладывай, чего там кроить-то? Полковник, конкретно на какое время требуется алиби?

– С двадцати двух часов вчерашнего дня до двух часов ночи текущего.

Лев говорил все тем же ровным, как будто даже несколько скучающим голосом. Но, похоже, именно это спокойствие отчего-то очень напрягало всех его собеседников. Мурашнов-старший вновь заорал на своего сына, который отчего-то все никак не мог собраться с духом и подтвердить свою невиновность:

– Ну-у-у?! Чего молчишь?!..

Только после этого тот все же решился ответить:

– С десяти вечера вчерашнего дня до... часов пяти утра сегодняшнего я был в нашем загородном доме, в Хлебожорове... – Последние слова он произнес почти шепотом.

– А подтвердить-то, подтвердить это кто может? – нетерпеливо зачастил Мурашнов-старший. – Прислуга тебя там видела?

– Всю прислугу с охраной я отпустил еще в десятом часу... – неохотно буркнул его отпрыск.

– И кто же тогда подтвердит, что ты был именно там, никуда не отлучаясь?

– Кто-кто... – Мурашнов-младший тягостно вздохнул. – Анечка, жена твоя. Она была там тоже...

– Че... чего-чего?! – От услышанного отец опешил и некоторое время молчал, хлопая глазами. – Ты спишь с Анькой? Это правда?! Твою мать! И давно это у вас? – свирепо прорычал он.

– Года полтора... – не очень охотно признался тот. – Ну, считай, с самой вашей свадьбы. И чего ты так злишься? Один хрен, больше двух лет ты ни с кем не живешь. У тебя ведь уже есть две новые кандидатки в жены? Ты же через полгода все равно собираешься жениться на другой? А Анька... Знаешь, зря ты собираешься ее бросать. Зря! Она вообще – супер, куда лучше манекенщицы Верки. Та – бревно бревном в постели. Только и того, что ноги от ушей...

Похоже, последнее откровение сына, можно сказать, подкосило его папашу. Мурашнов-старший покачнулся, тяжело опустился на стул и почти простонал:

– Ты что же, уже и с Верой успел переспать?

– Ну да! – охотно подтвердил его сын. – Должен же я был распробовать, что за мачеха у меня будет на этот раз?! Нет, нет, Анютка и смачнее, и азартнее. Огонь-баба!

Слушавшие диалог Мурашновых папа и сын Заливаевы, переглядываясь, беззвучно ухмылялись. Даже на лицах адвокатов, этих пожизненных сухарей, взращенных на статьях и пунктах законов, начало пробиваться некое подобие усмешки. Один лишь Гуров являл саму невозмутимость. Уловив паузу в диспуте Мурашновых, он деловито поинтересовался:

– Будьте добры, полную фамилию, имя, отчество, контактный телефон упомянутой вами Анны. Говорите, говорите, я запомню!

Поскольку папа-Мурашнов, погрузившись в безрадостные думы, ответил молчанием, за него паспортные данные мачехи-любовницы сообщил Борька:

– Сластухина Анна Васильевна, телефон... – достав из кармана свой гаджет, он назвал ее номер.

– Хорошо, на данный момент вы трое можете быть свободны, но персонально к Борису-младшему просьба из Москвы никуда не выезжать, пока факт алиби не будет оформлен документально, в установленном законом порядке, – строго уведомил Гуров. – Все, можете идти!

– Сейчас, сейчас... – Охая и вздыхая, Мурашнов-старший попытался встать на ноги, но это ему не удалось. – Ноги отказали, твою дивизию!.. Борька, помоги, что ли, встать!..

Сын кинулся на выручку отцу, но и с его помощью тому подняться не удалось. Лев тут же догадался, что эта «немоощь» – не более чем уловка, чтобы остаться здесь и послушать, что и как будут рассказывать Заливаевы. Но папа-Заливаев решил опередить события и с некоторым апломбом поинтересовался:

– Послушайте, полковник, ну а в каком контексте мой Даня оказался в роли подозреваемого? У него-то какие могли быть причины покушаться на жизнь своей однокурсницы? С ней переспать он не собирался, пари он выиграл, с чего бы питать к ней что-то нехорошее?

– Я располагаю информацией, что еще до спора с Борисом Даниил предпринимал попытки вступить с Лилией Кипрасовой в интимную связь, но получил от ворот поворот, – пояснил Гуров. – Позже, в разговоре с одной из своих подруг, она сказала, что Даниил Заливаев – гомосексуалист или что-то наподобие. Я вполне допускаю, что это дошло до вашего сына и он решил наказать ее за такое суждение, поэтому считаю необходимым проверить и его алиби.

Слова полковника до крайности возмутили Заливаева-старшего.

– Это что за херовина?! – чуть не проорал он. – Ты хочешь сказать, что мой сын – «петух»?!! Смотри, фильтруй базар! Если сам же сказал, что он хотел трахнуть ту деваху, то как он может быть гомиком?

– Я не собираюсь устраивать дебаты по этому поводу, поскольку гомик он или не гомик – мне глубоко безразлично, – поморщился Лев. – Мне нужно знать, где и с кем был ваш сын с десяти вечера до двух часов ночи и кто бы это мог подтвердить. Итак, я слушаю!

В кабинете повисло молчание. Папа-Заливаев недоуменно воззрился на своего сына, который отчего-то вдруг покрылся пунцовыми пятнами. Глаза Даниила забегали, как переполненные мыши, и он с мученической гримасой выдавил:

– Всю эту ночь, с начала одиннадцатого вечера, я провел в ночном клубе «Голубая роза».

– Ага-а-а!.. – протянул Лев, окидывая взглядом крайне смущенного сынка и его опешившего папашу. – Поня-а-а-тно... И кто может подтвердить, что ты там находился в названное мною время?

На этот раз тягостное молчание длилось больше минуты.

– Это может подтвердить... – побагровев и тяжело дыша, сипло выдавил Заливаев-младший, – Газанга Такаруту, бармен гостиницы «Джомолунгма».

Теперь уже у его папы при этих словах отвисла нижняя челюсть, а глаза приобрели вертикально-овальную форму. Трясущейся рукой Заливаев-старший смахнул выступившие на лбу крупные капли пота и, чуть заикаясь, прохрипел:

– Ты... педик?! У тебя любовник-негр?! Японский городской!!! Вот как, значит?! Выходит, только он, этот сын Африки, может подтвердить, что ты не совершал убийства, поскольку он трахал тебя всю ночь? Да?!!

Как видно, решив реабилитироваться, его чадо яро возразило:

– Почему только он меня?.. И-и-и я... его... гм-гм-гм... И вообще, мне больше нравятся девки. Я полкурса наших девок отымел! Даже больше, чем Борька!..

Ответом ему было счастливое «Гы-гы-гы!..» папы и сына Мурашиновых. У Мурашинова-старшего в момент прошло недомогание, и он со своим отпрыском, чуть ли не приплясывая на ходу, наконец-то отбыл восвояси. В самом деле! В сравнении с гомосексом, который спит с негром-барменом, сын, который спит со своей мачехой, не такой уж и позорный вариант.

Когда Гуров вернулся в главк, Стас уже сидел за своим компьютером и что-то внимательно изучал. Увидев Льва, он вопросительно мотнул головой:

– Ну и как там, в заповеднике миллиардерят? Чего-то удалось накопать?

– Да, кое-что накопалось... – Лев сел за свой стол и pokrutil головой из стороны в сторону. – Но-о-о! Осталось такое ощущение, будто пришлось пару часов поработать проктологом-любителем...

Он в общем и целом рассказал о результатах своей поездки в МУЭП, более подробно изложив наиболее характерные моменты. В частности, в деталях упомянул о своем «случайном» знакомстве с мажорами Мурашиновым и Заливаевым, об их алиби.

– Во дают! Во дают!.. – схватившись за голову, рассмеялся Стас, слушая про откровения представителей золотой молодежи. – Да-а-а... И такая, с позволения сказать, «элита» завтра придет к рулю фирм, компаний, банков, пролезет в министерства и ведомства... Ведь нормальных, толковых, совестливых ребят, без вывихов в мозгах, но не имеющих папиных миллиардов, до власти и на пушечный выстрел не допустят. А таким вот дегенератам, таким выкидышам эволюции – везде зеленый свет. Е-п-р-с-т!.. Что ждет Россию?!

О своей поездке к Кипрасовым он поведал, вздыхая и морщась время от времени. По его словам, проживает семья Кипрасовых на Рублевке, в той ее части, где селится не самая-самая крутая богема. Дом у них достаточно большой, двухэтажный. Однако уюта в нем не ощущается.

И главным «холодильником», остужающим любой душевный позитив этого места, по мнению Крячко, была излишне чопорная «половина» Виталия Кипрасова.

– В толк не возьму, какого хрена он на ней женился, на этой замороженной вобле?! По своему снобизму она сто очков вперед даст любой англичанке. Ох и зануда! Когда я с ней разговаривал, только что про себя не матерился.

Прибыл Стас на Рублевку, предварительно созвонившись с Кипрасовым. Тот обещал приехать домой к оговоренному с ним сроку, но немного опоздал – нужно было улаживать кое-какие вопросы, связанные с предстоящими похоронами Лилии. Поэтому Стасу пришлось около четверти часа вести пустые светские разговоры с Тамарой Кипрасовой, которая, как он сразу же почувствовал, едва ли испытывала искреннюю горечь и скорбь в связи со случившимся. Скорее наоборот. Крячко почти физически ощутил внутреннюю удовлетворенность хозяйки дома тем, что произошло с падчерицей. Поэтому одним из итогов его поездки на Рублевку стало хотя и смутное, но весьма серьезное подозрение в том, что мачеха убитой каким-то образом может быть к этому причастна.

Когда же, наконец-то, домой прибыл глава семьи, Стас смог вполне предметно побеседовать с ним по интересовавшим его вопросам. В частности, они обсудили потенциальных подозреваемых. Но как в ходе беседы заверил его Виталий Кипрасов, который, несмотря на подавленное состояние, старался выглядеть не сломленным, он исключает причастность к убийству и латифундистов, и недовольных работой его охранной фирмы. По его словам, хотя агрофирмы-монополисты и не в восторге от его законодательных инициатив и его выступлений в Думе, их недовольство никогда не переходило определенных границ и не выливалось в нечто экстремальное, тем более криминального пошиба. Все дело в том, что сам он в критике своих оппонентов никогда не переступал этической грани, никогда не использовал недостойных методов давления на кого-либо, никогда не действовал вопреки закону. Поэтому, при всей нелюбви к нему тех или иных оппонентов, они также придерживались неписаного кодекса политико-экономических дуэлей.

Отверг он и вероятность мести со стороны кавказских исламистов. По словам Кипрасова, он и во время боевых действий всячески старался соблюдать все писанные и неписанные законы войны, поэтому у него всегда были нормальные отношения с тамошним мирным населением. Пусть и не на уровне дружеских, но стабильно нейтральные и взаимно уважительные.

– Нет, нет, – категорично заверил Валерий, – такой вариант я даже не рассматриваю.

– Но если к случившемуся не причастны те, с кем вы постоянно и очень остро дискутируете, с кем у вас достаточно напряженные отношения, то кто же тогда мог захотеть причинить вам такое горе? – отчасти согласившись со своим собеседником, спросил Крячко.

– Есть такое понятие – слепое зло... – начал философствовать Кипрасов. – Им могут быть и примитивные гопники, и какие-то сектанты из изуверских сект, и террористы, и полоумные маньяки, и тому подобные существа. Смысл их существования – причинять людям боль, и не всегда ради каких-то целей. Что хочу сказать? Я уверен, что моя Лилия стала жертвой этого зла, можно сказать, случайно. На ее месте мог оказаться любой другой человек... «Человека системы» – злодея, входящего в какую-то группировку, которая имеет какие-то цели, пусть даже и аморальные, – найти легче. А вот творца слепого зла найти гораздо труднее. Поэтому, если вам удастся найти всех причастных к убийству Лили, – моя вам глубочайшая благодарность. Если не удастся – мое понимание. Вот, примерно, так...

Выслушав Стаса, Гуров кивнул, отметив при этом:

– Толково сказано... Насчет слепого зла Кипрасов прав. Чую, мы, скорее всего, столкнемся с мразью, которая творит зло ради зла. Так, хорошо! Кончаем с теориями, переходим

к повседневной практике. Сейчас надо вызвать кого-то из стажеров – пусть проверит и протоколирует алиби Заливаева и Мурашнова. Кого пошлем?

– Давай Володьку Ерошенко, – предложил Крячко. – Парень толковый, расторопный, обернется в момент.

– Добро! Пусть едет Ерошенко. Та-а-а-к... Что же теперь дальше? Ранее я предполагал первым делом подналечь на латифундистов, конкурентов «Зоркого барса», какие-то еще шарашки, но раз Кипрасов уверен в их непричастности, то отложим эти структуры на потом, так сказать, «на десерт»... Кстати! А ты не спрашивал Кипрасова, что ж он свою дочку не обеспечил охраной?

– Спрашивал... – досадливо махнул рукой Стас. – Кипрасов теперь и сам кусает локти из-за того, что пошел на поводу у Лилии и не настоял на охране. Дело в том, что девочка на дух не переносила охранников. Она была упертой фаталисткой и считала, что если чему суждено случиться, то этого никому не избежать. А присутствие охраны ей казалось подобием ошейника или, лучше сказать, «золотой клетки». А клетка – она всегда клетка, даже если золотая. Кипрасов пытался посылать охранников негласным порядком, чтобы они присматривали за ней на расстоянии. Ну, пока та была маленькая, ходила в школу, это прокатывало. А вот когда подросла, стала учиться в своем универе – все, в момент стала вычислять охранников, страшно при этом обижалась и тут же звонила отцу. Ну, он, в конце концов, смирился: да, чему быть, того не миновать...

– Поня-а-а-тно... – задумчиво протянул Лев. – Извечный конфликт выбора между тем, что значимее: личная свобода или безопасность... Так, на чем я остановился? Ага! Латифундистов и прочих – пока оставляем про запас. Будем вычислять, так сказать, идейных мокрушников всех разновидностей и фасонов. Начнем со старых знакомых – подручных Мутанта. Надо напрячь информанщиков, пусть выяснят, кто из них еще жив и уже на свободе. Да и Амбара надо мобилизовать – вдруг в криминальной среде есть какие-то слухи насчет убийц Лилии Кипрасовой или хотя бы о причинах того, что с ней произошло.

– Тут вот еще что надо бы выяснить... – На лице Стаса обозначилась тень озабоченности. – Мне кажется, было бы не лишним узнать, что это за хрен забугорный, этот самый Бруталлино? Чувствую, что личность – мутнейшая. Не удивлюсь, если окажется, что это – аферист из аферистов. Особенно если подтвердится, что психотропы на фуршете и в самом деле каким-то боком затесались.

– Да, ты прав... Надо бы изучить всю его подноготную и выяснить, не бывало ли ранее чего-то похожего на его показы моды? Что еще? Надо немедленно затребовать видеозаписи камер «Золотой рыбки» и всей той округи, где произошло убийство.

– Давай за видеозаписями съезжу я, – предложил Крячко. – Проработаем их – вдруг вылезет что-то еще? Ну а в оставшееся время просмотрю дела с «глухарями» по тем двум девочкам, которых убил какой-то урод.

– Если только время у тебя еще останется... – глядя в окно, покачал головой Лев. – Вон обед уже миновал, а мы еще не ели.

– Ну, давай забежим в кафешку, подкрепимся... – Стас поднялся из-за стола.

– Нет, нет, иди один, – отмахнулся обеими руками Гуров. – У меня звонки, еще надо стажера организовать, проинструктировать... Я попозже!..

Вальяжно покачав на прощание растопыренными пальцами поднятой вверх пятерни, Крячко поспешил в кафе, а Лев набрал номер телефона стажера Ерошенко. Он объяснил Владимиру суть задания, дав информацию, которая ему могла быть полезна для поиска людей, способных подтвердить или опровергнуть алиби двоих мажоров. Тот, как видно, и впрямь обладая недюжинной смекалкой, сразу же вошел в курс дела и пообещал Гурову, что все будет выполнено, говоря современным языком, «байт в байт, пиксель в пиксель».

Следующим абонентом Льва стал его давний информатор Амбар, по паспорту – Константин Бородин. Отставной вор, давно уже отошедший от дел, для блезиру организовавший у себя дома подпольный притон, исправно снабжал Гурова очень ценной зачастую информацией. Набрав его номер, Лев услышал знакомое хрипловатое:

– Але, хтой-то там?

В соответствии с новым паролем (повторять без конца один и тот же было рискованно) Лев спросил:

– Это булочная?

– Ага, этот – калашный ряд, куды с каким попало рылом не сунуться! – хрипловато хохоча, объявил Амбар. – Не, ну прям достали этой булочной! Можя, и всамделе булочную тут открыть? – опуская трубку, сострил он под аккомпанемент гогота своих клиентов.

Услышав последовавшие за этим короткие гудки, Гуров нажал на кнопку отбоя. Ответ Бородинки означал, что сейчас он говорить не может в силу наплыва гостей... В этот момент на столе запиликал телефон внутренней связи. Подняв трубку, Лев услышал голос Орлова:

– Вы у себя?

– Я у себя. А Стас на выезде, – лаконично ответил Гуров.

– Ну-ка, зайди! Тут вот поступила интересная информация...

– Иду...

Услышав про «интересную информацию», Лев вдруг подсознательно ощутил какие-то неясные сомнения. Его внутренний голос хоть и маловразумительно, но каким-то слабеньким уколом дал понять, что откуда-то потянуло самым что ни на есть фуфлом, точнее говоря, «липой». И дело было не в их со Стасом начальнике, а в тех, кто его этой информацией снабдил. Такое однажды в практике Гурова уже было. Как-то ему довелось расследовать крупную кражу на оптовой базе одной известной торговой фирмы. Завбазой – верткий, скользкий мужичок – истово бил себя в грудь кулаком, уверяя, что даже не представляет, кто бы мог совершить кражу. Следов воры не оставили никаких, поэтому дело рисковало стать полнейшим «глухарем». Но тут, неведомо откуда, в райотдел пришла анонимка, в которой сообщалось, что воры спрятали украденное (бытовую электронику) где-то в лесу. И теперь ее малыми партиями вывозят.

Опергруппа, возглавляемая Львом, начала прочесывать лесные массивы. И им повезло: они задержали человека, который вез на машине ту самую бытовую электронику. Правда, не всю, а какую-то ее часть. Этот человек оказался грузчиком, работающим на том самом складе. Он уверял и божился, что случайно нашел коробки с электроникой в лесу, на стихийной свалке, куда втихаря со склада вывозили мусор. И хотя опера были уверены, что грузчика надо «колоть», Гуров вдруг засомневался: а вдруг он не врет? Грузчик рассказал, что отвезти очередную партию мусора именно на эту свалку ему велел завскладом. Лев приказал взять зава под наблюдение, и очень скоро похищенное было найдено, а воры задержаны. Организатором кражи был именно завскладом...

Когда Гуров вошел к Орлову, тот с кем-то говорил по телефону:

– Да, да, лучшие силы брошены на расследование этого убийства. Да, Гуров и Крячко. Да, уже есть первые результаты. Вот сейчас с Гуровым обсуждаем полученную ими информацию. До связи! – суховато обронил он, положив трубку. – Кое-кого очень нервирует сам факт того, что за расследование взялись именно вы со Стасом. Давай быстренько выкладывай, чего вы там успели накопать, а то мне уже около часа звонят и задают всякие идиотские вопросы, на которые мне приходится давать идиотские ответы. Вы хотя бы круг подозреваемых определили?

– Круг? Ну, в общем и целом – да. Судя по итогам первых встреч, убийца не из случайных уличных мокрушников, а подонок из, так сказать, «высшего света». Но-о-о... Что ты там говорил про какую-то интересную информацию?

– А! Точно! – Орлов в сердцах стукнул ладонью по столу. – Блин, из-за этих звонков с нашего «олимпа», раздербань его мочалку, все на свете забудешь! Короче, минут пять назад мне позвонил капитан Маратов из Коневского ОВД и сообщил, что их дежурному с таксофона позвонил какой-то неизвестный. Не называя себя, он сообщил, что знает, кто убил девушку в парке «Северцово», но сказал, что за информацию хочет миллион долларов. Что думаешь по этому поводу?

Гуров напряженно задумался.

– Та-а-а-к! Первый звонок уже прозвенел. Предложение неизвестного – лажа полнейшая, проверка на вшивость нас со Стасом и всего главка в целом: не клюнем ли? Я думаю, это только начало. Скоро наши, скажем так, оппоненты постараются усилить давление и перейдут от слов к делу.

– Что ты имеешь в виду? – нахмурился генерал.

– Не исключаю, что скоро нас начнут поливать грязью в либерастных СМИ, начнутся всевозможные провокации... В общем, расследование ожидается «веселое»... – сдержанно рассмехался Лев.

– Значит, этот звонок – всего лишь разводилово? – разочарованно вздохнул Орлов. – То есть ты предполагаешь, что некто следит за вашими действиями и пытается на них по своему отреагировать? Но ведь вы же пока реально никому конкретно никаких обвинений не предъявили. Чего им бояться? У вас же, я так понимаю, все пока что на соплях, на ниточках и скрепочках...

– Ну, как бы да... – согласно кивнул Лев. – Пока у нас в качестве «дежурных» подозреваемых – два студента МУЭПа, где училась Кипрасова. У обоих был мотив, но оба заявили о своем алиби, и оно как будто реальное. Его сейчас проверяет стажер Ерошенко. Стас сейчас поехал изымать записи всех видеокамер как в «Золотой рыбке», так и со всех объектов в округе парка «Северцово». Да, ты прав, у нас расследование пока еще только на ощупь ползет от предположения к предположению, от факта к факту. Мы еще только выбираем, куда двигаться, в какую сторону, но кто-то уже сейчас занервничал...

– Знаешь, Лева, мне кажется, что, скорее всего, сам факт того, что взялись за это дело именно вы со Стасом, и стал причиной чьей-то нервозности. Гордись! Вы, что называется, стали «брендом» угрозыска! У тебя сейчас что на очереди?

– Надо будет заняться этим Бруталлино – однозначно мутный тип. Еще надо взять под наблюдение студентку МУЭП Янину Шаховскую. Нет, лично она к убийству непричастна. Но я ее выбрал в качестве «конверта», в котором может быть заключена информация о направлении наших поисков. Понятное дело, те, кто имеет отношение к убийству, захотят выяснить лично, что именно ей известно. И это нам может дать четкий ориентир, где именно вести поиск убийцы.

– Лева, а это правильно – подставлять девушку, чтобы расследовать убийство другой? – издав встревоженное «хм-м-м...», выразительно взглянул Орлов на Гурова. – И почему в качестве «конверта» ты выбрал именно эту... Как ее? Янину?

– Петро, о какой подставе речь?! – Лев столь же выразительно похлопал себя ладонью по голове. – Когда это было, чтобы я подставил человека ради достижения каких-то своих результатов? Нет, уважаемый, тут вот о чем речь. В разговоре с Яниной я специально «проболтался», что, по моему мнению, преступник именно из их «высшего» круга «богатеньких Буратин». И попросил ее, чтобы об этом – никому ни слова! Гарантия, что девушка эту информацию разнесет везде, где только можно. И когда она дойдет до нужных ушей, на фоне того, что в подозреваемые мы уже зачислили мажоров Мурашнова и Заливаева, причастные к убийству наверняка полюбопытствуют, может, я о чем-то еще проговорился в разговоре с Яниной. И, понятное дело, постараются встретиться с ней. Сам понимаешь, что повода попытаться убить ее у них абсолютно никакого нет. Она сама расскажет все, что их интересует, да еще, может

быть, и что-то от себя присочинит. Нам нужно будет лишь идентифицировать всех, кто с ней выйдет на контакт. Причем прежде всего нужно брать на заметку тех, кто до этого с ней не общался вообще.

– Ну, надеюсь, что ты прав, – неопределенно пожал плечами генерал. – Но повторю вопрос: а почему именно она?

– Понимаешь, если бы я попросил что-то сохранить в секрете особу наподобие Лилии Кипрасовой, то, скорее всего, это в секрете и осталось бы. А мне нужен был типаж, абсолютно не скованный «предвзвешенностями» типа обязательности, ответственности, стыда и прочего. Сначала я планировал запустить информацию через другую мажорочку – Анастасию Велемирцеву. В принципе она в меру вульгарна, в меру развязна, в меру нескромна... Но когда ко мне пришла Янина и демонстративно села так, чтобы я видел все ее «природные богатства», стало ясно: это именно то, что мне и нужно. Кстати, именно от нее я и узнал про Заливаева и Мурашнова. В плане хранения секретов она – как дырявый чайник, вода в нем долго не сохранится...

– Кстати, Стасу ты о Янине уже рассказывал? Небось он пожалел, что с ней довелось общаться не ему? – иронично улыбнулся Орлов.

– Ошибаешься! Стас даже рад был, что не он. В плену у одной мажорки он когда-то уже побывал. Если помнишь, пришлось ему там очень даже непросто. Говоря протокольным языком, эта особа в отношении оперативного сотрудника угрозыска совершила неоднократные насильственные действия сексуального характера.

– А что за дело вы тогда расследовали? – наморщив лоб, поинтересовался Орлов.

– Там был целый клубок криминала... – На лице Льва промелькнула ностальгическая усмешка. – Бесследно исчез крупный предприниматель, Евгений Перлинов. Он был президентом холдинга «Вектор успеха». А еще нам пришлось распутывать махинации на ипподроме «Южнореченский», директором которого был... м-м-м... Аристотель Авраими. Там была замешана оккультная группировка «Звезда истины», которая и проворачивала мошеннические схемы. Вот... А Стаса похитила дочь Перлинова Илона. Правда, ее не судили – она страдала психическим расстройством, поэтому отделалась психушкой.

– Обалдеть! Ты до сих помнишь всех фигурантов того дела?! Во память!.. – восхитился Орлов. – Нет, на свою память я в принципе не жалею. Но ты у нас – феномен! Значит, говоришь, надо установить плотное наблюдение за Яниной Шаховской, кстати, в ее же интересах... Хорошо, организуем и «топтуна», и прослушку телефона. Ну а ты прямо сейчас берешься за этого самого Бруталлино?

– Да. Сейчас зайду к информанщикам и возьму всю необходимую информацию...

Лев не успел договорить, его перебил звонок сотового. Хрипловатый голос Амбара уведомил:

– Левваныч, доброго денечка, булочная на связи!

Ответив на приветствие, Лев в общих чертах рассказал ему об убийстве студентки Лилии Кипрасовой и поручил прозондировать, кто и что из его посетителей думает о случившемся. Уточнив кое-какие детали, Бородин пообещал разузнать все, что возможно, в самое ближайшее время. В заключение разговора Амбар, закашлявшись, признался:

– Левваныч, звините, я на прошлой неделе малость посвоевольничал. Да, понимаете, шел мимо «Балыка», заглянул туда, а фунтов и баксов с собой не случилось... А там так пахло пивом и рыбой, что я не удержался и ляпнул бармену наш пароль. Думал, прогонит. А он, зараза, ни слова не говоря, взял и пива литруху налил, да еще и рыбенцию дал... – Бородин виновато вздохнул и продолжил: – Вот... Только я, Левваныч, пока пиво потреблял, узнал кой-что, может быть, вам интересное...

Как далее поведал Амбар, его соседом по столику оказался молодой мужчина угрюмого вида. Разговорились. По словам незнакомца, в данный момент тот находился под подпиской о невыезде в связи с тем, что на днях избил одного «эскулапа», и теперь его ждет суд, скорее

всего, с реальным сроком заключения. Случилось так, что его жену, которая ждала своего долгожданного первенца, как это часто бывает в наши дни, прокесарили, хотя она желала родить естественным путем. Во время операции что-то пошло не так, из-за чего ребенок был потерян, а его мама из-за занесенной инфекции мамой больше стать не сможет. Как удалось выяснить несостоявшемуся отцу, оперировал ее какой-то тип с фальшивым дипломом, да еще и пьяный, как свинья. Несмотря на скандальный случай, клиника его замаяла, и лжелекарь продолжил свою пагубную практику.

И тогда собеседник Бородкина решил сам, по-мужски разобраться с негодяем, фактически убившим его ребенка и искалечившим его жену, сделав ее бесплодной. Он подкараулил «эскулапа» и отдубасил его так, что тот сам стал пациентом травматологии. И вот тут закон явил всю свою строгость: мужчину задержали, кинули в «обезьянник», правда, потом выпустили под подписку о невыезде.

Но самое интересное в этом разговоре было вот что. Сетуя о том, сколь несправедливы российские законы и их исполнители, собеседник Бородкина припомнил, как в прошлом году ночью он проходил мимо парка «Юго-западный» и заметил у его ворот какого-то подозрительного типа. А утром услышал, что в парке нашли изнасилованную и задушенную девушку. Причем уже вторую за год. Он тут же пошел в местное Огневское ОВД и заявил, что видел возможного убийцу и может помочь в составлении его фоторобота. То, что произошло дальше, было похоже на дурной сон: его самого вдруг схватили и кинули в «обезьянник», где тут же начали выбивать признание в том, что это он изнасиловал и убил обеих девушек. В промежутках между колотушками ему настойчиво предлагали заключить с судом сделку: взять на себя вину и получить «минималку». В противном случае обещали или пожизненное, или срок на зоне, где он и года не проживет. Спасло его только то, что жена, продав машину, наняла толкового адвоката, который в момент установил факт алиби, и бедолага вышел-таки на свободу. С тех пор полицию собеседник Амбара ненавидит и боится. Он считает, что там нет ни одного честного человека. Впрочем, не лучшего мнения он о суде и прокуратуре.

– Вот такая история, Левваныч, – заключил Амбар свое повествование.

Уведомив информатора о том, что он сегодня же может в «Балыке» получить энный объем пива и рыбы, Гуров вкратце изложил Орлову то, что тот не смог расслышать. Генерал, яростно ударив кулаками по столу, свирепо выругался в адрес «козлов, уродов и шакалов» и распорядился пока что с Бруталлино погодить. Бог даст, никуда он не денется. А вот сегодня же найти того человека и взять у него показания по предполагаемому убийце из «Юго-западного», а также составить фоторобот маньяка – наиважнейшее из дел. Кроме того, он решил лично поднять на ноги службу собственной безопасности, чтобы «вывернуть наизнанку» Огневское ОВД, а еще разобраться с тем, как человек без медицинского образования был принят на работу и кто его допустил до выполнения полостных операций.

Из кабинета Орлова Гуров напрямую отправился к информационщикам. Когда он проходил через приемную, секретарша Верочка опасливым шепотом поинтересовалась:

– Лев Иванович, что там стряслось? Я от Петра Николаевича таких выражений еще не слыхивала!

– А-а! Нехорошие люди довели! – обронил тот на ходу, слегка махнув рукой.

В информотделе в течение пары минут из общего потока сообщений о всевозможных происшествиях за последнее время была извлечена информашка Калитинского ОВД о нанесении тяжких телесных повреждений хирургу клиники «Будь здоров!» Халямину Арнольду Хамидбековичу неким Топорюхиным Валерием Степановичем. Еще пары минут хватило на то, чтобы установить, что проживает Топорюхин на улице Машиносчетной, дом девять, квартира сорок. Не мешкая, Гуров взял служебную машину и отправился на Машиносчетную, которая оказалась по соседству с парком «Юго-западный».

Глава 4

На звонок в дверь сороковой квартиры вышел молодой мужчина среднего роста с недельной щетиной на щеках. Неприязненно глянув на неожиданного гостя, он хмуро спросил:

– Кто и к кому?

– Добрый день! Вы – Топорюхин Валерий Степанович? – дружелюбно поинтересовался Лев и, увидев утвердительный кивок, продолжил: – Значит, к вам. Я – полковник Гуров, Главное управление угрозыска.

– Что, опять в камеру? – Лицо Топорюхина исказила гримаса крайней неприязни. – Опять из-за этого шарлатана долбаного?!

В этот момент из глубины квартиры раздался слабый женский голос:

– Валера, кто там?

Обернувшись, Топорюхин с грубоватой заботой в голосе пояснил:

– Да знакомый один! Наташа, ты иди, полежи! Тебе врачи прописали постельный режим!

– Врачи... – с трудом выходя в прихожую, с горечью в голосе произнесла молодая женщина, кутаясь в длинный байковый халат. – Какие врачи?! Бездари и негодяи, рвачи и вымогатели! – И, держась за дверной косяк, она тихо заплакала.

– Ну, Наташ... Ну, будет тебе... – покосившись в сторону Льва, досадливо вздохнул Топорюхин. – Не все врачи бездари и вымогатели, зря ты так... Наша тетя Нина тоже врач, но она же приличный человек.

– Тетя Нина? Она белая ворона в этой стае злобного воронья... – с обидой в голосе помотала головой Наташа. – Если бы ты видел, как они со мной там обращались... Знаешь, я сейчас уснула, и мне приснился наш Сашенька. Мне так не хотелось просыпаться... Наверное, было бы лучше, если бы и я умерла вместе с ним.

– Кому лучше?! Что ты говоришь?! – воскликнул Валерий. – Кому, скажи?!

– Мне... Я не знаю, чего мне еще хотеть и ждать от этой жизни! И тебе... Мы нашего Сашеньку ждали десять лет. Бог его нам дал, а какая-то тварь его загубила. И все! Детей у нас больше не будет! Ни-ког-да!.. Зачем тебе я – бесплодная, насквозь больная нахлебница?..

– Наташа, перестань! Давай я тебя отнесу в спальню, хорошо? Начальник, одну минуту! Я никуда не убегу – тут четвертый этаж! – чуть слышно бросил Гурову Валерий и, подняв жену на руки, унес ее из прихожей.

Лев стоял у входной двери, внутренне ощущая бурю самых разных чувств: крайнюю неловкость за безграмотных «эскулапов», принесших беду в эту семью, словно это он сам допустил подобное безобразие, негодование в отношении тех, кто обязан проверять квалификацию врачей и вовремя отстранять от работы бездарей, берущихся лечить, не имея положенной подготовки. Но больше всего он испытывал сочувствие и жалость к этой женщине, с которой жизнь обошлась так жестоко.

Менее чем через минуту Топорюхин вернулся в прихожую и вполголоса спросил:

– Меня сейчас – куда?

Тоже перейдя на полусшепот, Лев пояснил:

– Я за вами как за свидетелем по поводу того типа, которого прошлым летом вы видели ночью у парка «Юго-западный». Я в курсе, что бездельники и тупицы из Огневского ОВД попытались повесить преступление на вас, для чего ими применялись недозволенные методы.

– А что же теперь? – с нескрываемой язвительностью спросил Топорюхин.

– Теперь этим делом занимаемся мы, Главное управление угрозыска, а Огневским ОВД в данный момент занимается служба собственной безопасности, – все так же полусшепотом уведомил Гуров. – Только не надо думать о том, что это все – фикция, что ворон ворону глаз не выклюет, и тому подобное. Ими будет заниматься лично полковник Костюченко. Это товарищ

очень строгий. Кто с ним познакомится по причинам своей недобросовестности, потом надолго становится пессимистом. Что нам нужно? Нам срочно нужен фоторобот маньяка, которого вы видели.

Топорюхин вздохнул и неприязненно пробурчал:

– Эх-х-х-х!.. Послать бы вас куда-нибудь подальше, да людей жалко, которые могут от этого маньячилы пострадать. Ладно, куда и когда прибыть, чтобы состряпать этот ваш фоторобот? И давайте побыстрее, а то уже завтра мне стоять перед нашим самым «гуманным и справедливым»... Я сейчас думал сбегать в магазин, продуктов побольше закупить, чтобы, если меня посадят, Наташа с голоду не умерла.

– Какой, к черту, суд? – поморщился Лев, достал свой сотовый и, набрав номер Орлова, сказал в трубку: – Петр Николаевич, ты сильно занят? Я у Топорюхина. Он согласен помочь с фотороботом маньяка. Но у него завтра суд по делу о рукоприкладстве в отношении раздолбая с купленным дипломом. Там будет решаться вопрос об изменении меры пресечения, и нашего свидетеля запросто могут кинуть в СИЗО. Это парня сильно угнетает. Вот как бы этот суд сдвинуть по срокам, чтобы за это время прошло более объективное расследование с учетом всех смягчающих обстоятельств?

– Сдвинем, Лева! Сдвинем! Все сдвинем! – рыкнул голос Петра. – Немедленно приступайте к работе! Нам нужен фоторобот!

– Уже едем! – коротко заключил Гуров и махнул Топорюхину рукой: – Поехали! Ч-черт! Когда же я пообедаю?!!

Работа с фотороботом затянулась до позднего вечера. И причиной тому был сам Валерий Топорюхин. Будучи излишне инициативным, дотошным и настырным, он настоял на том, чтобы было сделано аж три варианта фоторобота. Когда закончили работу над первым, он долго и критично его рассматривал, после чего предложил фотошоперам:

– Мужики! Вроде бы он, но... Что-то в нем не настоящее. Ну, сами поймите: видел я его мельком, да еще год назад. Давайте так... Этот сохраняем, а потом с нуля сделаем еще один. Вы не против?

Переглянувшись, фотошоперы устало согласились: ладно уж, давай... И вновь закипела работа. Второй фоторобот сделали чуть быстрее, но и он не устроил придирчивого Валерия. Обхватив подбородок правой пятерней, он то отходил от монитора подальше, то смотрел под другим углом. Потом, с досадой пробормотав что-то маловразумительное, тягостно вздохнул и снова попросил:

– Мужики, вы, конечно, извините, но... Давайте, попробуем еще раз? А?

На этот раз фотошоперы вопросительно воззрились теперь уже на Льва: что делать-то? Взглянув на часы, тот спросил:

– Валерий, а вы уверены, что есть необходимость третьего варианта? Ведь в принципе большой разницы между первым и вторым я не вижу...

– Гм... Лев Иванович, вы не видите, а я вижу. Поверьте на слово, я-то хоть и не художник, но разницу вижу существенную. А это, согласитесь, вероятность ошибки, когда настоящего убийцу не опознают, а невинного человека кинут за решетку и... Ну, а остальное – понятно...

Досадливо нахмурившись, Гуров негромко произнес:

– Кстати об остальном... Полчаса назад стало известно, что службой собственной безопасности задержан начальник Огневского ОВД и двое его приспешников. Третий кинулся в бега, но, думаю, далеко не убежит. Я же сказал, если за дело взялся полковник Костюченко, жизнь медом никому не покажется. Хорошо, ребята, давайте еще немного поработаем? Сегодня я тоже пообедать не успел, теперь только поужинаю.

После того как был закончен третий вариант фоторобота, Топорюхин попросил вывести на монитор и два предыдущих. Критически осмотрев все три портрета, он попросил:

– А можно глаза первого и уши второго перекинуть третьему?

Когда едва не стонущие фотошоперы выполнили его просьбу, он снова взглянул на третий вариант с отдаления и, вскинув большой палец, оценил лаконичным:

– Во! Один в один! Точнее точного! Молодцы, мужики, отлично сработали!

– Ого! А я его где-то уже видел, – приглядевшись, воскликнул Лев. – Да, точно! Где-то он по каким-то делам проходил... Парни, отправьте-ка этот фоторобот информационщикам – пусть пробьют его по всем базам данных. Валерий, спасибо вам огромное, вы нам очень помогли. Заодно приношу извинения за действия наших бывших коллег, которые, по сути, оказались предателями своего служебного долга. Но теперь они за это серьезно поплатятся. Что касается случая с «эскулапом», то, конечно, надо было прийти прямо к нам, в Главное управление, раз уж в других местах вам отказали. Впрочем... Что уж случилось, то случилось. Ничего, мы добьемся того, чтобы были учтены все обстоятельства и дело закончилось... Ну-у...

– Хотя бы «химией»... – безрадостно подсказал Топорюхин.

– Какой «химией»? Хватит и общественного порицания... Идемте, довезу вас до дому, жена небось волнуется? – направляясь к выходу, кивком головы позвал Топорюхина за собой Лев.

Но тот замахал руками:

– Не надо, не надо! Я сейчас на метро и минут через двадцать буду дома. Главное, теперь есть надежда, что того упыря поймают. Доеду! – впервые за все время чуть заметно улыбнулся он.

На следующий день Гуров, как всегда, спозаранку прибыл в главк. Когда он вошел в свой рабочий кабинет, то у него вдруг возникло ощущение, что отсюда он и не уходил, а только что начавшийся день показался прямым продолжением вчерашнего. Ну а что удивительного? Вечером он пришел домой в одиннадцатом часу. Его жена, прима одного из лучших столичных театров Мария Строева, уже вернулась с очередной премьеры и дожидалась своего, как иногда она выражалась, «половина», сидя перед телевизором. Встретив мужа долгим взглядом, Мария резюмировала:

– В главке острый кадровый кризис, работать совершенно некому... Не боишься загнуться за рабочим столом?

Направляясь в кухню, Лев с утрированно-авторитетным видом парировал:

– Это свидетельствует о том, что в мои отдаленные предки затесался какой-то японец. Они же известные трудоголики, даже мрут на рабочих местах... Вот и я чувствую в себе что-то такое, трудоголистическое. Вот нормальный мужик как бы сейчас поступил? Правильно, поел, в душ, и – спать! А у меня еще и надомная приработка намечается!

– Что, еще и с бумагами своими сидеть собираешься? – всплеснула руками Мария.

– Счастье мое, ты иногда бываешь такая недогадливая... – укоризненно взглянул на жену Лев.

Вообще-то, отправляясь домой, Гуров о чем-то таком и не помышлял. Настроение было весьма далеким от лирического. Когда они с Топорюхиным ехали в главк, он расспрашивал Валерия, как в его семье произошла, без преувеличения, настоящая драма. Тот вначале отмалчивался, но потом вдруг разговорился. Чувствовалось, что ему самому захотелось излить накопившееся в душе.

По словам Топорюхина, с Наташей они поженились более десяти лет назад. Мечтали о ребенке, но судьба распорядилась иначе. Вскоре после свадьбы, уже поздней осенью, Наташе довелось спасти какого-то мальчонку, провалившегося в пруду под лед. При этом она очень сильно застудилась. И – все... Наташа лечилась в разных клиниках, но толку было мало. И вдруг, год назад, случилось настоящее чудо: она забеременела. Но беда пришла оттуда, откуда

ее не ждали. Когда Валерий был на суточной вахте, Наташа пошла за хлебом и вдруг почувствовала, что ей стало плохо. Прохожие вызвали «Скорую», и ее увезли. Но – куда? В некую частную клинику, открывшуюся на окраине Москвы менее года назад. Как позже выяснил Валерий, ушлые дельцы подкупили некоторые экипажи «Скорой помощи», чтобы те пациентов (разумеется, не бомжей!) везли к ним.

Узнав, что у Наташи весь необходимый пакет документов с собой, «доброхоты» из частной клиники уговорили ее остаться у них. Дескать, здесь условия те же, что и в любой государственной или муниципальной. И действительно, подле нее только что не ходили на цыпочках, изображая безграничную заботу. Кроме того, осмотрев будущую маму, «эскулапы» заявили, что у нее уже начинаются родовые схватки и с этим ничего не поделаешь. Но поскольку родовые пути еще закрыты, придется кесарить. Наташа на это никак не соглашалась, но врачи, наговорив ей всяких «ужасов» («Ребенка погубишь! Ты что, хочешь этого?!»), убедили подписать бумагу о согласии на кесареное сечение.

Когда она вернулась из небытия общего наркоза, то вдруг увидела себя совсем не в той палате (шикарной, обставленной по высшему классу), куда поступила первоначально, а в убогой, с ржавыми кроватями, комковатыми матрацами и нестиранными простынями. Подпитая тетка в мятом синем халате терла пол полусухой шваброй. Увидев, что роженица открыла глаза, она хрипло, поинтересовалась:

– Очухалась? Впрочем, так... Ежели хошь, чтобы из-под тебя горшки выносили, три тыщи зараз. Жрачка тоже платная. Завтрик, там, ужин – тыща, обед – полторы. Все поняла?

Но Наташу беспокоило не это. Первое, что она спросила:

– Где мой ребенок? Что с ним?

– Завотделением придеть, он и скажет... – буркнула тетка и поспешно покинула палату.

Осмотревшись, Наташа увидела еще двух женщин, лежавших на соседних койках. Их здесь было всего трое, хотя палата была рассчитана человек на восемь. Увидев, что соседки смотрят в ее сторону, она спросила:

– Где я? Что происходит?

Те, переглянувшись, шепотом рассказали ей, что она находится в частной клинике «Будь здоров!», где очень опасно задавать слишком много вопросов, а тем более возмущаться и чего-то требовать. По их словам, сюда они попали точно так же, как и Наташа, на подкупленной «Скорой». Теперь с них требуют огромные деньги за то, чтобы они отсюда смогли выйти. По сути дела, пациентки здесь находились на положении заложниц. Поскольку телефон Натальи бесследно исчез, соседки дали ей свой, припрятанный под матрацем – здесь звонить можно было только под контролем персонала. Вне себя от ощущения свалившейся беды, Наталья набрала номер Валерия, сообщила ему, что попала в клинику, которая хуже тюрьмы, и ее надо срочно выручать.

На обходе небритый тип в белом халате общался с пациентками грубо и бесцеремонно. На вопрос Наташи, где ее ребенок, «эскулап» недовольно скривился:

– Он у тебя был мертв еще месяц назад. Произошла отслойка плаценты... – и покинул палату.

Тем же днем в клинику примчался Топорюхин. Ему изложили ту же версию про мертвого ребенка и потребовали тридцать тысяч. К Наташе его допустили только тогда, когда он привез деньги. Пребывая в шоковом состоянии, Валерий забрал жену и увез ее домой. И только уже дома, немного опамятавшись, он вдруг понял, какая на них свалилась беда.

– Я был как в каком-то дурном сне! Написал заявления в полицию и прокуратуру. Их-то у меня приняли, только в ту клинику с проверками никто не побежал. Я неделю ждал. Толку – ноль. Стал разбираться сам. Поймал одного тамошнего «шныренка», типа фельдшера, в тихом углу взял его за глотку, и он начал «колоться»...

Как оказалось, эту клинику организовали три «эскулапа» криминального пошиба с российским гражданством, но с фальшивыми паспортами. Поэтому их настоящих имен никто не знает. Все трое отбывали сроки за всевозможные махинации и врачебные ошибки. Эта клиника у них уже не первая. До этого они промышляли в провинции. Криминальные доктора действовали по методу, которую сами называли «стая саранчи»: в каком-либо городе они организовывали якобы частную клинику, на деле – кое-как состряпанную шарашку, имеющую лишь видимость клиники. Нанимали медперсонал из безработных, «гастеров» и даже бомжей. Медобразование при этом не требовалось. Мошенники сами обучали будущих «целителей», которым потом доверяли делать даже полостные хирургические операции. В том числе и детям.

Купленные ими чинуши местных администраций прикрывали медшарашку от вопросов и проверок. «Наисцеляв» энное число людей, медшарашка, едва начинала чувствовать какую-либо серьезную угрозу, мгновенно исчезала, положив иной раз в карман десятки миллионов рублей.

Конкретно по тому, что случилось с Наташей, Топорюхин узнал следующее. На языке криминальных «эскулапов» это называлось «впарить балду»: ради того, чтобы сорвать за совершенно ненужное кесарение от двадцати до полста тысяч, они запугивали свою жертву, а потом ее кесарили, зачастую на самом примитивном и садистском уровне. «Оперировал» Наташу подпитой гастарбайтер, не имеющий никакого медицинского образования. Научил его этому главарь «стаи саранчи». Анестезиолог, который умел делать проводниковую и спинальную анестезию, запил, поэтому Наташе делали общий наркоз, что вообще недопустимо – это означало гибель ребенка.

Через пару дней после возвращения из клиники Наташа почувствовала себя очень плохо, и Валерий вызвал «Скорую». У его жены вдруг обнаружилось необычное психическое расстройство – она стала панически бояться врачей. Увезти ее в обычную, нормальную клинику удалось с большим трудом. В ходе повторной операции было установлено, что непрофессиональная работа «хирурга»-неумехи была выполнена столь грубо, что Наташа теперь уже больше никогда не сможет стать матерью. Это повергло ее в истеричный невроз. Топорюхин поспешил забирать ее домой уже на следующий день после операции. Теперь она безгранично ненавидит и боится медицину и всех ее представителей.

От того же «шныря» Валерий узнал, где проживает «хирург». «Анестезиолог», дававший Наташе общий наркоз, к тому моменту поспешил смыться в неизвестном направлении, поэтому колотушки получил один лишь Халямин, на заявление которого полиция откликнулась на удивление оперативно...

– Лев Иванович, эти подонки, которые прикидываются медиками, – глядя перед собой, говорил Топорюхин, – заслуживают только тюрьмы. Но я недавно узнал, что и в наших государственных клиниках сейчас кесарят чуть ли не всех подряд. Да! В иных клиниках семь из десяти женщин рожают на операционном столе! И деньги там дерут за операцию точно так же, как и эти жулики. А еще во многих клиниках женщинам предлагают «перевязаться» – согласиться на перевязку маточных труб, чтобы они вообще уже не могли рожать! Даже тем, кто рождает впервые. Что творится?! Как это понимать?! Это же настоящий... как его? Во, геноцид!..

Гурову на это ответить было нечем. Да и что скажешь, если слишком многое не только ему, но и Орлову, и тем, кто по рангу гораздо выше Петра, изменить не под силу? Тоже глядя перед собой, он лишь время от времени коротко кивал, давая понять, что слышит и понимает своего собеседника. Единственное, что он мог сделать, – созвониться с Орловым, пока шла работа над фотороботом. Повествование о том, что произошло в семье Топорюхиных, сообщение о клинике «Будь здоров!» генерала крайне возмутило. Он пообещал этой шарашкой и «стаей саранчи» заняться немедленно.

Но то, что было вчера, – осталось вчера. А сегодня опять предстоял нелегкий день. Первым делом проверив свою электронную почту, Лев набрал в поисковой системе задание: «Бруталлино, мнения, суждения, критика». И тут же получил уйму интернет-статей об этом

«великом кутюрье». Как явствовало из всезнающей «Википедии», на самом деле Бруталлино – уроженец Винницы, некий Андрий Мыколаич Бурутюк, дважды судимый украинским судом за мошенничество. Отбыв последний срок, Бурутюк, пользуясь благосклонностью западноевропейцев к «угнетенной русскими Украине», уехал на ПМЖ в Италию, где очень скоро женился на уроженке Апеннин, получил итальянское гражданство и поменял паспорт, став Андреа Бруталлино. По протекции жены новоиспеченному итальянцу удалось устроиться на работу в одну из компаний по пошиву одежды. Однако ему хотелось не стандартной, пусть и западноевропейской зарплаты, а шальных, даже криминальных денег. И тогда на свет появился прославивший себя, правда, только в странах Восточной Европы, в частности, в России, кутюрье Бруталлино. На самом деле – крупный мошенник, облапошивающий свою клиентуру.

Прочитав еще несколько статей, Лев узнал много интересного об этом «гении моды», как тот сам себя величал в рекламе. Например, автор одного из материалов, аргументируя свои утверждения фотоснимками, сообщил, что Бруталлино большую часть своих моделей «слизал» у признанных мэтров европейской моды. Для того чтобы избежать судебных исков, мошенник менял в той или иной модели какие-то малозначительные детали и объявлял ее своей. Впрочем, в Италии и Франции публика приняла его крайне холодно. Именно это, а еще несколько судебных исков, проигранных домам моды, вынудило его полностью сосредоточиться на России. И вот здесь, в «заповеднике непуганых лошар», как он сам называл Россию, его дела пошли в гору. Московские снобы считали долгом чести иметь хоть что-то от Бруталлино. Билеты на его показы стоили десятки тысяч рублей...

Впрочем, «тащились» от «творений гения моды» далеко не все. На одном из сайтов Лев наткнулся на целую подборку из сотни едких комментариев: «Видела показ его мод. Ну, это такое дерьмо, что до сих пор тошно. Спрашиваю себя: как ты могла потратить на эту чушню сорок тысяч своих кровных?!», «Девки, в тряпки от Бруталлино наряжаются только отстойные дураки! Огородные пугала краснеют, если на них нацепить этот хлам!», «Бруталлино (он же – Бурутюк) – отстойный козел с кривыми руками, выросшими из жопы!!!», «Россияне, вы охренели, что ли, покупая бруталлиновские шмотки? Вы в курсе, что этот бандеровский 3,14дор отчисляет бабло на укропских карателей из добробатов, чтобы те и дальше убивали детей на Донбассе?!»...

В этот момент зазвонил телефон внутренней связи. Подняв трубку, Гуров услышал суховатый голос судмедэксперта Дроздова:

– Лев Иванович, доброе утро! Я звонил вам вчера вечером, но к телефону никто не подошел. В общем, в тканевых жидкостях тела Лилии Кипрасовой, в анализах Анастасии Велемирцевой, а также в бутылках из-под шампанского, соков и колы, которые Станислав Васильевич привез мне из бара «Золотой рыбки», обнаружено сильнодействующее психотропное средство последнего поколения, именуемое бальнурстином. Производится эта отравка, насколько мне известно, в странах Скандинавии, завозится через Польшу, Украину и Прибалтику. Электронную копию акта экспертизы я вам отправил, а сам документ уже у Петра Николаевича. Теперь об осмотре тела убитой. Я нашел на коже ее шеи след, характерный для высоковольтного электрического разряда. То есть ее оглушили мощным электрошокером. Ну а смерть наступила непосредственно от разрушения вещества головного мозга металлическим стержнем. Следов инъекций и травм не обнаружено.

Поблагодарив Дроздова, Лев зашел в свою электронную почту и среди свежих поступлений нашел файл, сброшенный Дроздовым. Просмотрев акт, где черным по белому значились показатели содержания бальнурстина в остатках напитков, извлеченных из бутылок (судя по всему, в бутылки химическая отравка закачивалась на глазок – в иных емкостях процент содержания зашкаливал), он решил созвониться с Орловым, но тот ему позвонил сам. Только что не исторгая из трубки молнии, генерал свирепо прорычал:

– Лева, ты акт Дроздова видел? Это вот что за безобразие?! Этого Бруталлино, я считаю, нужно немедленно задержать как наркоторговца! Соответствующую информацию в Управление по борьбе с оборотом наркотиков я уже отправил.

– Полностью с тобой согласен – задержать его надо. Только, боюсь, он уже за пределами России... Я о нем только что читал в интернете. Бруталлино на самом деле – уроженец Винницы Бурутюк, на Украине дважды судимый за мошенничество, да и в Италии тоже уже имевший конфликты с законом...

– Вот это новость! – поразился Орлов. – Нет, ну ты глянь, кого к нам заносит! Наши так называемые «правозащитники» все плакались по поводу «железного занавеса», мол, нет свободы передвижения, ну, вот теперь есть эта самая свобода! И кто к нам прет? Вот такие мошенники и наркоторговцы, всякие террористы и диверсанты... Ну, ладно, черт с ним! Если этот мерзавец еще не успел смыться – посадим. Если уже смылся – затребуем через Интерпол. Я только что созванивался с информационщиками. Пробили-таки они этого типа с фоторобота. Знаешь, кто это? Грабитель, насильник и серийный убийца Магараев Альберт по кличке Паяльник. Он же у нас числился в умерших, вроде того, погиб в огне пожара. А на деле-то выходит, жив, зараза! Видимо, кого-то вместо себя сжег, а в подпольной клинике сделал себе пластику лица и опять принялся за старое. Его старый снимок загрузили с новым, и робот тут же определил, что это – один и тот же человек. Робота не обманешь!

– А, Паяльник! – Лев сразу же вспомнил, о ком идет речь. – То-то я вчера гляжу: морда вроде знакомая, а кто такой – узнать не могу. Значит, это он... Ну что ж, надо объявлять в федеральный розыск. Только, Петро, думается мне, Кипрасову убил не он. Нет, это не его «почерк». Вот две девушки, задушенные в прошлом году в «Юго-западном», – сто процентов он. Там был факт насилия, ограбления, побоев и удушения. Здесь картина совсем иная. Здесь что-то безмотивное, типа убийство ради убийства. Это больше напоминает банду Мутанта.

– А ты информационщикам насчет этих запросов делал?

– Делал, но не думаю, что они смогут пробить их всех достаточно быстро. Лет-то уж сколько прошло? Кто-то умер, кого-то убили, кто-то залег... Это хорошо, если информационщики сегодня за день всех успеют раскопать. Я и Амбару дал задание насчет них. Но... не уверен, что даже те, кто еще жив, рискнут о себе заявить. Ты представь себе, сколько есть желающих «отблагодарить» их за прежние дела.

– Понятно... Да, кстати, Ерошенко вчера вечером привез запроотоколированные показания свидетелей, подтвердивших алиби Мурашнова и Заливаева. Так что эти двое из числа подозреваемых выпадают. Что у вас со Стасом на сегодня? Он, кстати, еще не появился?

– Жду с минуты на минуту... – дипломатично ответил Лев, глядя на часы, где время уже приблизилось к восьми. – Ну, что у нас? Будем изучать записи камер видеонаблюдения. Еще я планирую проработать все эти «золотоунитазные» вузы, где учатся детки наших магнатов, столичные тренинговые шарашки, где гарантируют личностный рост за счет всяких идиотских – как их там называют? – перформансов, что ли? Ну и тому подобную хрень. Помнишь, как в прошлом году раскрыли одних жуликов, которые под видом тренингов, по сути, устроили бордель? Так почему бы не предположить, что какие-нибудь уроды в качестве «упражнения», позволяющего повысить свой социальный статус, вменили убийства случайно подвернувшихся людей? Вроде того: убил – значит, прошел какой-то уровень подготовки... Почему бы нет?

– Да-а-а... Развелось всякой гнили... – сокрушенно проворчал Орлов. – Кстати, чуть не забыл! Решил я вопрос с Топорюхиным. Будет проведено дополнительное расследование случая с рукоприкладством. Правда, только что стало известно, потерпевший Халямин из больницы сбежал, на квартире, которую он снимал, его нет. По словам соседей, еще в пятом часу утра он куда-то убежал со своими сумками. Приказал я заняться и клиникой «Будь здоров!». Новость последнего часа: минувшей ночью она сгорела.

– Вот это да! – удивленно воскликнул Гуров.

– Я послал в клинику стажеров. Когда они туда прибыли, там работали пожарные – помещения клиники были полностью охвачены огнем. Никого из персонала там не оказалось. Как рассказали пожарные, возгорание произошло в пятом часу утра. На соседнем с клиникой пустыре обнаружили несколько коек с пациентами этой шарашки. Одного только вчера прооперировали. Их всех забрала «Скорая»... В общем, «стая саранчи» поскакала дальше. Ничего, далеко не ускачут! Я приказал провести по этим мошенникам самое полное расследование. Ну ладно, созвонимся!

Услышав короткие гудки, Лев опустил трубку, и в этот момент, как джинн из заколдованного сосуда, появился улыбающийся Стас Крячко.

– Ага-а-а! – многозначительно протянул он. – Звонил Петруха? Поди, выяснял, явился ли я на работу?

– Вот только о тебе и говорили... О чем еще нам говорить? Правда, и о делах чуток упомянули...

– И что у нас новенького? – сразу же заинтересовался Стас.

Гуров, как всегда предельно сжато, рассказал ему о вчерашних событиях и сегодняшних новостях. Станислав выслушал этот новостной «блицдайджест» и огорченно вздохнул, узнав, что подозреваемых у них больше нет. На новость о «воскрешении» Паяльника отреагировал жесткой тирадой:

– Я бы того «мордокройщика», который сделал новое рыло Паяльнику, самого бы мордой об угол приложил как следует. Он ведь, по сути, соучастник поганых делишек Паяльника! Кстати, а почему этого уроды не смогли выявить по генетике? Ведь говорили, что для идентификации достаточно даже одного волоска! А он же совершал насилие в отношении женщин – значит, было что использовать для экспертизы!

– Ты его недооцениваешь! – покачал головой Лев. – Этот подонок всегда кичился своим умением замечать следы. Каждое преступление он продумывал заранее и очень тщательно изучал то место, где намеревался его совершить. На преступление шел, подготовившись даже в мелочах. Он и ножом не убивал только потому, что боялся брызг крови на одежде. Вот такая изворотливая тварь...

– Да-а-а уж! Отменили демократы хреновы «вышку» на радость всевозможным ублюдкам... – Стас сердито поморщился. – Ну а его хотя бы в федеральный розыск объявили?

– Да, с сегодняшнего утра он в розыске. Его фоторобот и отпечатки пальцев уже разосланы по всем регионам. А что там у тебя с видеозаписями? – вопросительно взглянул на приятеля Лев.

– Взял все, что мог... – пожал плечами Крячко. – В самой «Золотой рыбке» камера была на входе и в зале демонстрации моды. Потом взял по прилегающим улицам, в том числе и в округе парка «Северцово». Где-то около десятка видеозаписей. Так что смотреть нам – не пересмотреть. Все записи на флешке, сейчас половину сбрасываю тебе, вторую половину просматриваю сам. Идет?

– Добро! – задумчиво кивнул Лев, не излучая избытка оптимизма. – Сейчас еще одно письмо проверю в почте...

Открытый им файл оказался заключением криминалистов, исследовавших след ребра подошвы обуви и волокна ткани, найденные у дыры в изгороди парка «Северцово». По утверждению специалистов, материал, из которого изготовлена подошва, характерен для очень дорогих моделей обуви английского производства. Костюм, явно американского производства, мог стоить не менее трех тысяч долларов, а то и более того.

– Ну вот, – констатировал Гуров, – дополнительное свидетельство того, что убийцы – не из заугольной голытьбы!

– Да, все следы ведут в «Золотую рыбку»... – согласился стоящий за его спиной Стас.

– Ну, а теперь – видео! Правда, в самой полной мере эти записи нам помогут лишь тогда, когда мы уже задержим убийцу, чтобы его уличить. А сейчас – это не более чем просто ознакомительное видео.

– Да?! – Стас был явно озадачен. – И почему ты так считаешь?

– Ну а что именно мы сейчас сможем найти в этих записях, тем более не самых качественных? Интуитивно определим убийцу в толпе входящих в «Рыбку»? Это только в теледективах камеры видеонаблюдения – чуть ли не панацея от преступности, в жизни не совсем так. Помню, я как-то раз попросил видеозапись на одной подмосковной АЗС и понял – хрень стопроцентная. На той записи были видны только силуэты – сами-то машины нельзя было распознать, не говоря уже о том, чтобы прочесть их номера. Попробуй уличи кого-нибудь по такой записи!

– В принципе ты прав... – огорченно вздохнул Крячко. – Но, мне кажется, на записях все равно можно обнаружить что-то необычное, какие-то зацепки, какие-то подсказки...

– Ну, хоть это! – смеясь, согласился Гуров. – Поищем и зацепки, и подсказки...

Просмотр записей затянулся на два с лишним часа. Из записей камер «Золотой рыбки» Гурову досталось видео того, что происходило на входе в ночной клуб. Он внимательно смотрел на разнаряженную вереницу поклонников «таланта» Бруталлино, тянувшуюся к стеклянному вестибюлю клуба со стороны корпоративной парковки. Ближе к девяти вечера среди идущих на показ Лев вдруг различил чем-то знакомые лица. Остановив запись, он понял, что это идут Анастасия Велемирцева и Лилия Кипрасова, а потом, продолжив ее, обратил внимание на некоего молодого человека, который шел следом за девушками после еще одной пары каких-то «моднявок», низко опустив голову, из-за чего его лицо рассмотреть было невозможно. Снова остановив изображение, Лев постарался запомнить подозрительного незнакомца хотя бы в таком ракурсе.

– Стас, тебя на минуту можно? – окликнул он, продолжая рассматривать неизвестного. – Подойди, глянь на всякий случай – вдруг в зале увидишь кого-то похожего?

Стас поспешно подошел к монитору и многозначительно хмыкнул:

– Ну я же говорил, что хоть какие-то зацепки разглядеть можно! Правда, видно только темя, кончик носа и край уха... Ничего, уже и это результат!

– Да, кое-что, если захочешь, то разглядишь! – иронично усмехнулся Гуров. – Например, форма головы хоть частично, но видна. В какой-то мере можно представить форму его носа и ушей. Вон, видны цвет и длина волос...

– Может быть, это именно тот, кто убил Лилию? – с надеждой в голосе спросил Крячко как бы сам себя.

– Ничего исключать нельзя... Кстати, не обязательно это тот, кто убил. Возможно, это причастный к убийству как пособник... С чего бы это вдруг он стал так хорониться?

Тут прозвучал звонок внутренней связи. Подняв трубку, Лев услышал голос начальника криминалистической лаборатории майора Грибалова. Немного насморочный голос сообщил ему о том, что экспертам удалось-таки «расшифровать» полусмазанные отпечатки пальцев на найденной вчера зажигалке. Как оказалось, они принадлежат хозяину небольшой авторемонтной мастерской, который пару лет назад отбывал год поселения по статье о хулиганстве за дебош, учиненный в отношении своей тещи. Зовут нового подозреваемого Булыкин Виктор Ананьевич. Его мастерская находится на одной из окраин Северо-Восточного округа столицы.

Крячко, слышавший этот разговор, разочарованно протянул:

– Е-о-о-о-п-р-с-т! Кто бы мог подумать, что этот «ларчик» так просто открывался? Охренеть!..

Положив трубку, Гуров с усмешкой взглянул на своего приятеля:

– Ты хочешь сказать, что этот Булыкин – уже готовый подозреваемый? Не спеши сказать «Гоп!», поскольку зажигалка – это еще не самый веский аргумент. Это всего лишь повод про-

вести проверку на возможную причастность Булыкина к преступлению. А реально виновен он или нет – еще вилами на воде писано.

– Лева! У меня тоже есть интуиция. И она подсказывает: это – он! – стукнул себя в грудь кулаком Стас.

– М-да-а-а-а... – задумчиво покачав головой, протянул Лев. – Ну а что? Сгоняй туда, возьми показания, проверь алиби. Потом уже вместе определимся, как с ним быть...

– А ты, мне так думается, все же сомневаешься, что он – тот, кто нам нужен? – ткнул в его сторону указательным пальцем Стас.

– Нет, я не уверен в его невинности, но сомневаюсь в том, что убил именно он. Знаешь, как-то все тут уж очень складно получается: и зажигалка, неосторожно брошенная сверхострожным убийцей, и сам он кандидатура более чем подходящая – уже отбывал наказание... Не удивлюсь, если сегодня или завтра кто-то обнаружит молоток с отпечатками пальцев Булыкина на его рукояти.

– А ты считаешь, это не может стать подтверждением его виновности? – ернически вопросил Крячко.

– Меня очень смущает сегодняшний звонок в Коневское ОВД с предложением назвать виновного всего за миллион рублей, – не менее язвительно парировал Гуров. – Кто-то очень уж настойчиво пытается подсунуть нам, говоря языком наших «клиентов», дешевое фуфло. Ладно, я сейчас в ускоренном режиме досмотрю свою часть видеозаписей...

– И мою тоже! – с хитрой ухмылкой поспешил вставить Станислав.

– Хорошо, и твою тоже. А потом, если информационщики ничего больше не накопают, проработаю в интернете все возможные столичные мажоро-гламурные «гадючники» – дальнейшие поиски вести буду именно там. Если ребята найдут информацию по мутантовским, займусь ими...

– Ну, тогда я пошел! – Только что не насвистывая, Крячко покинул кабинет.

Гуров продолжил просмотр видео. В своей части съемок у входа в «Золотую рыбку» чего-то интересного он больше не заметил. Зато, изучая видео, снятое в зале демонстрации мод, в некотором отдалении от подиума, в толпе зрителей вновь увидел Лилию и Настю. Длилось это всего пару мгновений, поэтому он остановил промотку и внимательно изучил застывший кадр. И вновь в паре шагов от девушек находился какой-то тип, который за ними следил. Впрочем, здесь из-за отдаленности и слабого освещения зрительской части зала разглядеть подозрительного типа можно было едва-едва, лишь как силуэт в полумраке. Заметив попавшего в кадр оператора одной из телекомпаний, Лев вдруг сообразил: вот где наверняка будут нужные ему для поиска кадры!

Он немедленно созвонился с информотделом и поручил его начальнику, майору Жаворонкову, срочно выяснить, какие телекомпании вели видеосъемки на показе мод, чтобы запросить у них отснятые материалы.

– Пусть сбросят по электронной почте именно «сырец» – то, что снималось в зале, а не то, что они подготовили для эфира. Неплохо бы обзвонить и фотокорреспондентов, которые снимали для печатных изданий. Вдруг что-то для нас очень важное попало в кадр?

– Понял, Лев Иванович, займусь! – ответил Жаворонков. – Мне отзвониться, когда сбросят все материалы, или по мере их поступления?

– Лучше по мере поступления, – ответил Гуров и продолжил просмотр.

Как он и предполагал, на не всегда качественных материалах камер наблюдения, взятых Стасом у магазинов, ресторанов, каких-то контор, найти что-то дельное было не очень-то просто. Ощувив ломоту в висках, Лев поставил компьютер на ожидание и на пару минут вышел на улицу. А когда вернулся в кабинет, ему сразу же позвонил Жаворонков и доложил, что с телекомпаниями договорился – материалы на почту им уже начали сбрасывать. Откликнулись и

печатные издания – вот-вот должны поступить и материалы фотосъемок. Завершая свое сообщение, Жаворонков неожиданно предложил:

– Лев Иванович! Нам уже сейчас материалов прислали часа на два просмотра. А там еще и фото на подходе... Представляю, сколько у вас головной боли с этими просмотрами! Давайте сделаем так... Вы нам дадите какие-то контрольные моменты, которые следует выявить, а мои ребята – они профи высшей пробы! – в течение часа все проработают. Пойдет?

– Гм... Валера, похоже, ваш отдел я и так уже заездил своими заказами... А вот насчет головной боли ты прав, это я уже ощущаю. Ну, смотри-и-и... У нас самих тут еще материалов – часа на три как минимум. Если возьметесь – хорошо, я их вам сейчас сброшу.

– Сбрасывайте, ждем! – тут же согласился Жаворонков.

Глава 5

Отправив все видеоматериалы в информотдел, Гуров отправился туда лично. Он показал парням заинтересовавший его кадр у входа в «Золотую рыбку». Пояснив, кто и что именно его интересует, Лев вернулся к себе и, найдя в поисковой системе список престижных вузов Москвы, начал его просматривать. Он с ходу пропустил в списке такие вузы, как МГУ, МФТИ и прочие, где в большинстве своем учатся по таланту, а не по кошельку, и основное внимание обратил на частную коммерческую элитарку для детей сверхобеспеченных родителей. В числе таких учебных заведений насчитывалось пять, как он назвал сам, «золотоунитазных» вузов, где могли учиться только «сливки» из богатейших семей. В их числе был и МУЭП, где вчера ему довелось побывать. Кроме того, имелся еще МИЭП – Московский институт экспериментальной психологии, МУГЭ – Московский университет глобальной экономики, ВИПУО – Всемирный институт практического управления обществом и МУСП – Московский университет социальных проблем.

Гуров прочел «парадные» статьи рекламно-информационного свойства, откуда выяснил, что самым элитарным из всей этой «элитарки» в среде богатых котируется МУСП. Этот самый закрытый вуз из всех пяти изобиловал фамилиями российских и даже иностранных мультимиллионеров и миллиардеров. Порывшись в сопутствующих интернет-материалах, Лев узнал об этом вузе немало интересного. Как оказалось, в МУСПе училось всего полторы сотни студентов. Причем преподавателей было чуть меньше. Вуз, как явствовало из материалов, обладал высококласной охраной, которая могла предотвратить любые, даже самые изощренные проявления терроризма, так как была сформирована из отставных американских морпехов русского происхождения, работающих в России по контракту.

В плане внутреннего устройства о МУСПе сообщалось, что это, по сути, учебно-бытовой комплекс уровня «хай форм» (высший класс), где есть прекрасный жилой сектор (комфортабельные коттеджи в окружении дивной зелени и кафе ресторанного типа с доставкой блюд), спортивный сектор (спортзал, бассейн, теннисный корт и поле для гольфа). В «парадной» статье МУСПа ее автор уверял, что данный вуз стоит на одной ступеньке с Йелем, и не ниже того. Его выпускники без труда и проблем входят в высшие «топы» финансовой и политической элиты не только России, но и всего мира в целом...

Впрочем, нечто подобное о себе повествовали и все прочие «элитарки» (суперкачественное образование, великолепная охрана, чудный быт, прекрасный спорт олимпийского уровня, безграничные перспективы жизнеустройства). Кроме того, некоторые из «элитарок» (в частности, ВИПУО и МУЭП), подчеркивая свою демократичность, заверяли, что охотно примут в свой вуз не только тех абитуриентов, родители которых огребают в год от десяти и выше миллионов баксов, но и тех, чей семейный годовой доход достигает «скромных» двухсот-трехсот тысяч. Понятное дело, при наличии головы, достойной Ломоносова или Менделеева.

«Но здесь ли обретается убийца Лилии? – мелькнуло в голове Гурова. – А вдруг я ошибался изначально и дело-то действительно проще пареной репы? Что, если и в самом деле убийца – этот Булыкин и уже сегодня мы со Стасом поставим на расследовании окончательную точку?!..»

Но он тут же понял, что в нем заговорила общеизвестная лень-матушка, ярая противница всякого труда. Ведь она есть в каждом, и даже самый настырный трудоголик время от времени слышит ее медовый голосок. Вот и его она сейчас посетила, со своими хитрыми советами... Да, конечно, сыщики тоже живые люди, и им тоже бывает трудно, тоже хочется шальной удачи, чтобы – раз! – и в дамки. Но на деле всякое расследование чаще всего – сплошная морока, нескончаемая головная боль и бездна тупой, рутинной работы...

Размышляя о возможных подходах к поиску точного вектора расследования, в какой-то момент Лев вдруг вспомнил про своего давнего знакомого, профессионального психолога, доктора Макарова. А что, если обратиться к нему? Может быть, он даст какие-то реальные подсказки о личности того, кто отнял жизнь у молодой, никому не причинившей зла девушки? Набрав номер психолога, он вскоре услышал умиротворяюще звучащий, деловитый голос, слышанный им уже не раз:

– Лев Иванович, рад вас слышать! Здравствуйте! Требуется какая-то помощь?

Ответив на приветствие, Лев рассказал о выпавшем им со Стасом расследовании и попросил помочь с составлением психологического портрета убийцы. Макаров, немного подумав, попросил его подъехать в свою клинику примерно через час. Прикинув, что пора бы перекусить (вчера остался без обеда, сегодня опять, что ли, бегать по Москве на пустой желудок?), Гуров поспешил в соседнее кафе, после чего на своем «Пежо» отправился на улицу Покорителей космоса.

Доктор Макаров, как всегда моложавый и немного загадочный (некоторые его пациенты рассказывали, что, лишь войдя в кабинет своего доктора, они от одного его взгляда начинали чувствовать себя гораздо лучше), предложил Гурову присесть, после чего они обсудили историю необычного убийства студентки. Выслушав Льва, психолог задал несколько уточняющих вопросов, внимательно изучил фотоснимки, сделанные на месте преступления, и глубоко задумался.

– Знаете, Лев Иванович, повидал я в жизни всякого. Но вот с таким сталкивался нечасто... Думается мне, что человек, убивший эту девушку, – тип совершенно бездушный, пресыщенный удовольствиями подонка, ищущий новых ощущений. Я не исключаю, что это мог быть представитель какой-либо изуверской, тоталитарной секты, но это не слишком вероятно. В большей мере я предполагаю, что им может быть представитель так называемой «золотой молодежи», помешанный на каких-то «учениях», ошалевший от всемогущества своего папаши и собственной безнаказанности. Скорее всего, он уже имел опыт убийства, но не такого рода, как убийство этой девушки, а, например, случайного. Возможно, кого-то он насмерть сбил своим авто. Это вызвало у него некие сильные эмоции. Их захотелось повторить. И вот результат...

– Алексей Вадимович, как вы считаете, в момент убийства он был один или их было несколько? – выжидающе взглянул на психолога Гуров.

– Думаю, что их было несколько, – уверенно ответил тот, – как пособников исполнения убийства, так и прикрытия от возможного судебного преследования. Например, они могли обеспечивать ему алиби. Кто эти люди? Думаю, точно такие же, как и он сам, и по имущественному статусу, и по душевной пустоте. Кстати, хотел бы внести небольшое уточнение... Было бы неверным думать, что все те, кто сейчас ворочает миллиардами, – сплошь негодяи, мерзавцы и подонки. Тут многое зависит от того, каким образом человек нажил свое состояние. Если и недостойным, но не кровавым, то его самого и его потомков черная карма может миновать. Но если ради богатств была пролита кровь, то на потомках это отразится неминуемо. Они унаследуют и черты характера, и судьбу своего кровавого предка. А у нас многие ли получили свои состояния бескровно? Почему разбойничьи и пиратские клады нашедшим их чаще всего приносят несчастья? Все очень просто: на них кровь невинно убиенных. А кровь – это особая, можно сказать, мистическая субстанция. Я не суеверен, но на этот счет думаю именно так.

Когда Лев вернулся в главк, Стас уже был на месте. Горделивый и радостный, он с ходу сообщил Гурову, едва тот переступил порог кабинета:

– Трындец, Лева, нашим мучениям. Все! Завтра у нас выходные! Ур-ра-а-а!!! Булыкин «раскололся» в момент. Сейчас он здесь, в нашем КПЗ. Надо будет его сегодня же определить в Лефортово. Петру я только что сообщил – он чуть не пляшет от радости. Вот только ты, я гляжу, чего-то смурной... Что не так?! – моментально поскучив, сердито проворчал он.

– Да все не так! – саркастично усмехнулся Гуров. – Ой, Стас, ну, ты наивный! Чую, что это подстава, рассчитанная на идиотов.

– Да?! – Крячко с вызовом упер руки в бока. – Подстава?! А если я скажу, что нашел орудие убийства – молоток с отпечатками пальцев Булыкина? А?

Лев изобразил утрированное удивление, широко разведя руками:

– Неужели?! Это фантастика! Нет, ну кто бы мог подумать?! Хотя... Кажется, об этом же я говорил совсем недавно. Значит, он «раскололся»... И сразу же рассказал, где купил этот молоток, где взял гвоздь, где сейчас электрошокер, которым он оглушил бедную девчонку... Но самое главное, он рассказал, за что и почему ее убил?

Окончательно скисший Станислав, сунув руки в карманы, тягостно выдохнул:

– Он ничего не помнит... Но согласился с тем, что убить ее мог. Хотя не знает, за что.

Как чуть позже, немного остыв, поведал Стас, мастерскую Булыкина он нашел без особых затруднений. Выйдя из своего «мерина» с парой стажеров, взятых для подкрепления, они прошли в мастерскую, где на подъемниках стояло несколько потрепанных жизнью и недавними ДТП иномарок, а орудующие в их нутре слесари в замасленных комбинезонах были какие-то озабоченные и немногословные. Узнав у них, где находится кабинет хозяина, опера прошли в самый дальний угол этого ангара. Хозяином оказался рыхловатый, крупный парняга «за тридцать», с большими залысинами, в чуть более чистом, чем у прочих, синем рабочем комбинезоне, который торопливо ел купленные в соседней кафешке чебуреки и запивал их пивом. Увидев незваных гостей, он категорично махнул им зажатым в руке чебуреком и громко уведомил:

– Мужики, ничем помочь не могу! Работой загружены выше крыши до конца недели, сам вон гайки кручу... Пожрать некогда!

– А мы не ремонтироваться, мы из полиции, задать вам несколько вопросов. Полковник Крячко, главк угрозыска! – Стас показал ему свое удостоверение. – Вы – Виктор Ананьевич Булыкин?

Но на Булыкина демонстрация «ксивы» особого впечатления не произвела. Продолжая жевать чебурек, он лишь утвердительно кивнул и, пожав плечами, маловразумительно спросил:

– Ну и чего вам?

– Где вы были позавчера вечером с двадцати одного ноль-ноль, до двух часов ночи?

– На этом, как его? А! На показе мод этого... Брателло какого-то, что ль... Такая мюра оказалась! За что только пятьсот баксов отдал?!

– Что вы там делали и для чего вообще пошли туда?

– Что делал, что делал... Моду смотрел... Но если по совести, на девок пошел глянуть. Моя зараза к другому смылась, остался один, а наши парни мне сказали, что, мол, самые стоящие девки на такие вот крутяцкие тусовки ходят. Ну, я и решил туда заглянуть. Скажу по совести, девки там ничего – нормальные, есть на что глянуть, за что подержаться. А сам показ – полная халтура. Я бы этому Брателле руки из плеч повыдергивал!

Стажеры, слушая его, многозначительно переглянулись (а мужик-то агрессивный – вон руки грозится вырвать!). Станислав, тоже почувстввав стремительно близящееся разоблачение убийцы, потребовал от Булыкина полного, поминутного отчета о том, что тот делал на показе в «Золотой рыбке».

В этот момент в дверь «офиса» хозяина мастерской заглянул один из слесарей и попросил:

– Ананьевич, подойди, глянь! Что-то топливный насос ни хрена не фурыкает! Вся надежда на тебя!

– Малость подожди! – отмахнулся Булыкин. – Тут ко мне из уголовного розыска пришли насчет... Кстати! А что у вас ко мне за вопрос?

– Вы подозреваете в убийстве девушки, студентки, которая тоже была на том показе мод, – ледяным голосом, в котором сквозила январская стужа, уведомил Стас.

У обоих сразу – и у хозяина автомастерской, и у его слесаря – тут же озадаченно отвисла челюсть. Булыкин замер, ошарашенно глядя на оперов, а слесарь, помянув чью-то бабушку, мигом исчез за дверью. В «офисе» повисла мертвая тишина. Похлопав глазами, Виктор на всякий случай поинтересовался:

– Слушайте, мужики, а вы, часом, не из фирмы по розыгрышам? А то, я слышал, есть такая... Нет, я серьезно! Ну с какого бодуна вы решили, что я кого-то убил? Нет, ну, я могу с кем-то повздорить, если выпью... И то – только по делу! Но убить... Не-е-е-т, на это я не способен. Уж на что у меня теща была – стерва стервой, и то ни разу ее даже не поколотил, хотя ее убить было мало!

– А за что же на поселение попал? – едко прищурился Стас.

– Так она сама на меня накинута, чтобы физию ногтями исцарапать за то, что всех ее подруг назвал сучками и кошелками. А они такие и есть – постоянно с ней у нас дома заседали. Накурят – хоть топор вешай, напьются, все сожрут... Придешь с работы, голодный как волк, а в холодильнике – пусто, в кастрюлях – пусто... Вот я и сказал ей, чтобы больше не водила этих гримз. А она на меня – с когтями. Ну, я ее всего лишь только оттолкнул! Да, только оттолкнул! А эта мегера спесом на пол – бряк! Правда, башкой при этом об холодильник так треснулась, что шишку набила. И – все! Эти мымры, ее подруги, на суде объявили, будто я ее регулярно избивал. А судья – она прямо копия моей тещи – хотела дать три года общего. Но адвокатша, молодец девка, сбила срок до года поселения. Ну, отбыл я, вернулся, а дома – все по новой: гримзы, истерики, скандалы...

– А из-за чего же тогда жена от тебя ушла? – с подначкой поинтересовался Крячко.

– Так я ее прямо у себя дома с хахалем застал! – возмущенно выдохнул Булыкин. – Пришел, а они в спальне кувыркаются. Меня увидела – завизжала, хахалю ее «там» зажало... Пришлось «Скорую» вызывать, чтобы высвободили. Ну и все, вместе с мамочкой ушли к какому-то еще дураку... Да и слава богу! На работу она не хочет – маникюр жалко, дите мне не родила – фигуру жалко, со мной лечь как жена – свою, эту самую, жалко... Ушла, и скатертью дорога!

– И вы решили найти себе жену на показе мод? – как бы с пониманием покачал головой Стас.

– Да не совсем так... Понимаете, у меня вся жизнь – сплошная работа. Вот, работа, работа, работа... Как из армии пришел – света белого не видел. Все, что зарабатывал, бывшая со своей мамочкой на себя тратили. Что я видел, кроме вот этих чужих жестянок? А тут, как жены не стало, вдруг сразу бабки появились, время свободное... Мне и подумалось: а не сходить ли куда-нибудь на люди? За всю свою жизнь я всего пару раз был в цирке да в кино сходил раза три. А пойду-ка я в «высший свет»! Побрился, надел свой лучший костюм... Вот и сходил!

– Поня-а-а-тно... – многозначительно протянул Стас. – Ну, а теперь рассказывайте про свой вечер в «высшем свете», и как можно подробнее.

Рассказ Виктора оказался не слишком длинным. Придя на показ, как и все прочие, он сидел в зале, смотрел на подиум. Когда показ закончился и началась дискотека, Булыкин сразу же пошел в бар, чтобы, как он признался, «употребить для храбрости». Увидев вокруг себя уйму красивых девушек и женщин, он решил с кем-нибудь обязательно познакомиться. Выпив пару фужеров халявного шампанского, он направился к одной хорошенькой пышноволосяй и пышнотелой особе, сидевшей в танцзале на «скамейке запасных», и... больше уже ничего не помнил. Пришел в себя под утро в каком-то парке, на деревянной скамейке. В кармане не было ни гроша, исчез и телефон.

– До дому доехал на такси, заплатил водиле, переоделся – и на работу. Полдня башка трещала и гудела... Мужики, а какая она из себя, та убитая? Хоть бы глянуть – может, что-нибудь вспомню?

Стас вывел на экран монитора своего сотового прижизненное фото Лилии Кипрасовой. Удивленно воззрившись на изображение, Виктор отрицательно помотал головой:

– Не-е-е-е, это не та... Эта – вон какая молоденькая, худенькая! Мне ща, мужики, мысля такая стукнула: а что, если я с той пышкой попробовал познакомиться, а она меня как-то нехорошо отшила, и я из-за этого разозлился? Вот... А эта молоденькая кинулась ту защищать, а я ее по нечаянности как-то неудачно так стукнул, и... Ну, и она умерла! Хотя... Стоп! Если бы такое случилось, меня бы прямо там и сцапали! Нет, что-то тут не то-о-о...

– Девушка была найдена убитой в парке «Северцово», что в двухстах метрах от ночного клуба «Золотая рыбка», – сухо пояснил Крячко. – Смерть наступила в результате того, что голова потерпевшей была пробита длинным строительным гвоздем.

Услышанное вновь ошарашило Булыкина. Пару секунд помолчав, он с трудом выдавил:

– О-бал-деть!.. А почему вы решили, что это я девчонке в голову гвоздь загнал?! Может, это и не я вовсе?

– В нескольких шагах от места преступления была найдена зажигалка с отпечатками ваших пальцев! – объявил Стас прокурорским тоном. – Объясните, как она туда попала? Ссылки на беспамятство не принимаются – сказать ведь можно все, что угодно. Свидетелей, которые подтвердили бы вашу невиновность, нет. А вот срок за рукоприкладство у вас есть. Что мы должны думать? Суд, как вы знаете, доверяет только фактам. А они против вас...

Сразу же сникнув, Виктор попятился назад и сел, можно сказать, рухнул на стул. Его лицо приобрело землистый оттенок, на лбу выступил пот.

– Вы меня сейчас арестуете? – тихо спросил он.

– Задержим до выяснения, – все тем же сухим тоном пояснил Станислав.

Стажеры на запястьях Булыкина сноровисто защелкнули наручники. В этот момент в дверь кто-то постучался.

– Войдите! – распорядился Крячко.

Дверь распахнулась, у входа теснились пятеро слесарей, с сочувствием взиравшие на своего работодателя. Тот, который уже приходил, выступив вперед, просительно заявил:

– Товарищ полковник, Виктор Ананьевич не виноват – мы все за это ручаемся! Мы его знаем уже не первый год – мужик правильный, нормальный. Кого он мог убить? Вот вы его сейчас заберете, а у нас срочные заказы. Мы без него как без рук. Вот у инжектора надо топливную систему регулировать и у дизеля чинить топливный насос. Кто, кроме него, это сделает?! Сейчас придут заказчики, и что мы им скажем? Придется платить обалденную неустойку. Значит, останемся без зарплаты. Вы его хотя бы на полчаса оставьте – путь с топливниками разберется. Хорошо?

– Да, в самом деле, – поднимаясь со стула, тягостно вздохнул Булыкин, – всего полчаса дайте – ща быстренько закончу, и тогда уж везите хоть к чертовой бабушке... Да не убегу я, не убегу!

– Ну и как, дал им полчаса? – спросил Гуров, с интересом слушая Стаса.

Немного помявшись, тот кивнул:

– Ну, да-а... Он быстренько со всем там управился, и мы поехали в нашу КПЗ. По пути завернули к «Северцово». Я там нашел тот пролом в ограждении и походил по зарослям с наружной стороны парка. И что бы ты думал? Нашел молоток! Привез его сюда, показал криминалистам. Они тут же на рукоятке обнаружили отпечаток правой пятерни Булыкина. Значит, убил все-таки он! – Цокнув языком, Стас выразительно развел руками.

– Восхищам-с, вос-хи-щам-с! – саркастично произнес Лев и с деланным пиететом поаплодировал одними пальцами. – Ну, и как ты себе представляешь картину убийства бедной студентки злым автомехаником? Я весь внимание!

Помявшись, Крячко начал свои пояснения:

– Ну, как там могло получиться? Из-за развода с женой Булыкин впал в депрессию и искал выхода своим настроениям в алкоголе. Его бывшая была большой модницей, поэтому он испытывал крайнюю неприязнь к ей подобным. Вот... Чтобы избавиться от навязчивого

состояния, он решил пойти на показ мод. С собой, как бы на всякий случай, захватил молоток и большой гвоздь. Употребив в баре «Золотой рыбки» шампанского с психотропным препаратом, Булыкин впал в состояние типа зомби. Ну, ты же мне сам рассказывал, как некая Настя в таком состоянии накупила хрен знает каких тряпок, потратив на них все свои деньги, и ничего об этом не помнила. Было? Было!

– Да, да, было! – с наисерьезнейшим видом подтвердил Гуров, с трудом сдерживая усмешку.

– Ну, вот... Пребывая в состоянии почти отключки, Булыкин подошел к столь же зомбированной Лилии Кипрасовой и без труда уговорил ее пойти с ним. Не контролируя себя, девушка согласилась. Они пошли и случайно оказались на территории парка «Северцово». Здесь Булыкин, вспомнив былые обиды на жену и тещу, испытал приступ ярости, набросившись на Лилию, сбил ее с ног и... пустил в ход, так сказать, «домашнюю заготовку»: то есть достал из кармана молоток и гвоздь и забил его своей жертве в висок. После этого ушел из парка через пролом в ограждении, закинув молоток в заросли...

– После чего сам себя обокрал и лег спать на парковой скамейке... – столь же серьезно продолжил за него Лев. – Ах да! Еще одна маленькая деталь! Когда Булыкин шел по аллее с Кипрасовой, он случайно на дорожке нашел исправный электрошокер. Затем, через несколько шагов, ему на глаза попался аэрозольный баллончик со средством, отбивающим нюх у собак. Будучи сообразительным, запашливым зомби, и то и другое он забрал с собой. Когда ему внезапно захотелось убить девушку, он тут же воспользовался электрошокером, чтобы ее оглушить. А потом, уже убив, хитрый зомби побрызгал траву спецсредством... Но и это еще не все! Он зачем-то достал из кармана зажигалку и куда-то забросил. Друже мой Станислав! Это задержание такая ляпа, такой смешной прокол в нашей работе, что я даже слов не нахожу! Эх ты, «пинкертон»! Пошли, сходим к этому мокрушнику, хоть гляну на него...

Почесав в затылке, Стас неохотно кивнул, и они отправились в «обезьянник» главка, куда доставляли задержанных, если не представлялось другого варианта их временного содержания. Дежурный КПЗ, с удивлением глядя на оперов, открыл дверь камеры. Автомеханик, уныло расхаживавший по своему узилищу взад-вперед, тоже был весьма удивлен появлением визитеров. Искоса взглянув в их сторону, он сердито уведомил:

– Никаких признаний я подписывать не буду! Я никого не убивал!

– Вы знаете, а я вам верю! – ободряюще улыбнулся Гуров. – Только один вопрос... Вот представьте себе, я попросил вас забить гвоздь в эту стену. Покажите, как бы вы это сделали?

Пожав плечами, Булыкин несколько раз махнул левым кулаком, словно в нем был зажат черенок молотка. Наблюдая за ним, Лев вскинул указательный палец:

– Пойдите, пойдите, а почему вы машете левой рукой? Молоток-то обычно держат в правой!

– Ну так я же левша! – Виктор изобразил левой рукой убеждающий жест. – Меня мужики и зовут Левшой, как того, из Тулы. Кстати, вот этот гражданин начальник мог это заметить, когда я доделывал машины, – ключи и отвертки у меня были в левой руке!

Лев увидел, как у Станислава в этот момент заалели кончики ушей. Издав сконфуженное «Гм-гм!», он неохотно произнес:

– Виктор... э-э-э... Ананьевич, я был не прав, приношу свои извинения. Вы свободны!

– Вы на него не сердитесь! – примирительно произнес Лев. – Это он не со зла. Ему уж очень хотелось поскорее поймать убийцу той несчастной девушки. Ну, не подумав, проглотил чью-то хитрую наживку, и получилось то, что получилось.

– А вы считаете, зажигалка – это была чья-то подстава? – Булыкин настороженно взглянул на оперов.

– Сто процентов! – убежденно ответил Лев, жестом приглашая его на выход.

– Товарищ полковник, он ведь у меня на учете! Что делать? – поспешил напомнить дежурный.

– Станислав Васильевич, отметь, пожалуйста, что задержанный освобожден как непричастный к совершению преступления... – Гуров неспешно зашагал по коридору. – Представляю, какое огорчение ждет нашего драгоценного Петра Николаевича!

– Блин! – догнав его, сокрушенно выдохнул Стас. – Мне к нему теперь лучше не заходить! Ой, что будет, что будет!..

Втроем они вышли на крыльцо. В извинительном порядке Крячко хотел предложить Булыкину доставку домой, но в этот момент, стремительно свернув с дороги, на ведомственную парковку для визитеров главка заехала и резко затормозила зеленая «Калина». Из ее кабины вышла молодая особа, которая, хлопнув дверцей, решительно направилась к крыльцу быстрым шагом. Цокая каблучками, она шла к вестибюлю и в упор смотрела на стоявших на крыльце, как видно, желая то ли сказать, то ли совершить нечто очень важное.

Глядя на нее, Булыкин неожиданно расплылся в радостной улыбке:

– Ой! Это же Людмила! Люсенька! Моя спасительница!

– Жена? – уточнил Гуров.

– Что-о-о вы! Моя адвокатша! Она меня на том суде защитила. Неужто опять из-за меня приехала?

Приблизившись к ним, молодая женщина с ходу поздоровалась и, не дожидаясь ответа, категорично представилась:

– Людмила Тарасова, член коллегии адвокатов, я буду представлять интересы своего подзащитного Булыкина Виктора!

– Людмила Николаевна, здравствуйте! – отчего-то сильно волнуясь и сияя улыбкой, шагнул в ее сторону Булыкин. – Я очень рад, что вы приехали! Вообще-то здесь разобрались, и меня уже освободили...

Женщина, отчего-то несколько огорчившись, понимающе протянула:

– А-а-а... Ну что ж, тогда...

– Людмила Николаевна, – перебив ее, зачастил Виктор, – одну секунду! Вы для меня так много в этой жизни сделали, я вам так признателен... Я так часто вспоминал и думал о вас, что просто не нахожу слов, чтобы сказать, как рад вас видеть!

– Я тоже вас помню... – Людмила сдержанно, но очень мило улыбнулась. – Меня попросили защищать вас ваши работники – приехали к нам в офис целой делегацией.

– Золотые мужики! – хлопнул себя рукой по груди Булыкин и продолжил: – Так вот, раз уж так случилось, что судьба нас снова свела, то... давайте, я вас приглашу в ресторан?! А? Хотя видок-то у меня сейчас аховый – в ресторан не пустят... Ну, давайте завтра? Назначайте время, место – буду как штык!

– Давайте я вас сейчас довезу до дому? – предложила Людмила, указав на свое авто. – Хорошо?

– Да я бы только «за», но садиться в новую машину в такой «мазуте» как-то боязно... – Виктор подергал наплечные лямки своего комбинезона.

– Садитесь! Все нормально! – садясь за руль, коротко бросила Людмила.

Поспешив следом за ней, Булыкин на ходу оглянулся и, все так же сияя улыбкой, изобразил рукой операм ликующе-прощальный жест.

Глядя вслед «Калине», убегаящей прочь, Станислав громко вздохнул:

– Завидую! Вот это повезло мужику – и обвинения сняты, и жену себе нашел... Как считаешь, у них что-нибудь получится?

– Думаю, да... – утвердительно кивнул Лев. – Они друг другу очень подходят характерами – война за лидерство им не грозит. Ну что, по домам нам еще рано, работать уже поздно... Пойду, посижу за компьютером!

– Порыскаю и я в инете... – следом за ним отправился и Стас.

Едва они открыли дверь, как тут же раздалось истошное пиликанье телефона внутренней связи на столе Гурова.

Поспешно подняв трубку, Лев услышал возмущенный голос Орлова:

– Лева, где вас черти носят? Вы что, отпустили подозреваемого?!! Ну-ка, оба ко мне! Живо!

Шагая следом за Гуровым, Крячко, чувствуя себя нашкодившим школяром, поминутно сопел и вздыхал. Уже около двери приемной Лев оглянулся и строго отрубил:

– Хватит охать! Все будет, как говорят молодые, норм. Ты, главное, болтай поменьше...

– Спасибо, Лева! Ты – настоящий друг! – скороговоркой бросил Стас, пробегая следом за ним через приемную.

Орлов сидел за столом и клокотал, как Везувий, готовящийся к очередному извержению. Увидев приятелей, он с ходу лавовым потоком выплеснул из себя мучивший его вопрос:

– Какого черта вы устроили этот дурацкий кордебалет?!! То звонит Стас и докладывает, что стопроцентно подозреваемый уже у нас в КПЗ. Теперь бежит ко мне дежурный КПЗ и докладывает, что опера Гуров и Крячко выпустили подозреваемого на все четыре стороны. Даже вслед на прощание платочком помахали! Мне кто-нибудь может объяснить, что тут происходит?!! Я тут, понимаешь, по инстанциям уже дал информацию, что дело без пяти минут раскрыто. А что говорить теперь? Ну?!!

– А ничего не говорить! – невозмутимо парировал Гуров. – Пусть так и думают, что дело без пяти минут раскрыто. Если спросят – так и ответим.

Его спокойный, уверенный тон оказал на генерала столь же успокаивающее действие, как если бы он разом выдул пол-литра валерьянки. Раздраженно побарабанив пальцами по столу, Орлов тем не менее уже спокойнее поинтересовался:

– Я жду подробностей: что именно у вас произошло? Почему тот человек сначала был задержан, а потом отпущен?

– Сначала подозреваемый был задержан потому, что целый ряд улик свидетельствовал, будто он реально виноват. – Лев говорил все тем же твердым, уверенным тоном. – В частности, на зажигалке, найденной на месте преступления, имелись отпечатки пальцев хозяина авторемонтной мастерской Булыкина. Найдены были отпечатки его пальцев и на черенке молотка, обнаруженного рядом с парком «Северцово». Поэтому он и был задержан.

– И что же случилось дальше? – придиричиво уточнил генерал.

– Во-первых, появились свидетельства, что его попросту подставили. В частности, Булыкин левша, а на черенке молотка отпечаток пальцев его правой руки. Кроме того, не вяжется тут и многое другое, в том числе и мотив.

В этот момент зазвонил сотовый Гурова. Это был Жаворонков, который сообщил, что его сотрудники еще час назад закончили просмотр видеозаписей и нашли немало интересного. Например, в объектив видеокамеры одной из телекомпаний попала Анастасия Велемирцева, танцующая с молодым человеком в наряде а-ля Саладдин. Затем нашелся кадр, правда, снятый издалека, где Лилия идет к бару с «марокканским пиратом». Но самыми ценными были кадры камеры наружного видеонаблюдения «Золотой рыбки», где Лилия покидает ночной клуб вместе с тем же «пиратом». Причем если до этого ее движения, осанка, взгляд были естественными, то на выходе она смотрится заводной механической куклой.

Поблагодарив информанщиков, Гуров попросил поискать на входе и выходе из клуба сегодняшнего задержанного, которого только что отпустили. Ответом ему было лаконичное:

– Уже, Лев Иванович, нашли его и на входе, и в зале, и на выходе.

Попросив Жаворонкова все эти записи сбросить на почту Орлова, Лев отключил связь и предложил Петру включить свой компьютер. Вскоре они вдвоем просмотрели все эти материалы информанщиков. Знакомясь с фрагментом, где Лилия Кипрасова покидала «Золо-

тую рыбку» в сопровождении «марокканского пирата», лицо которого было закутано темным шелковым шарфом, Гуров сокрушенно вздохнул:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.